

И. К. Ковригинъ

По поводу книги „Правда о переселенческомъ дѣлѣ“
(А. И. Комарова)

КРАСНОЯРСКЪ.
Типо-литографія М. Я. Кохановской.
1913.

Вмѣсто предисловія.

Прочитавши книжку г. Комарова „Правда о переселенческомъ дѣлѣ", я первоначально предполагалъ ограничиться краткимъ возраженіемъ на страницахъ мѣстной прессы (какъ это уже и сдѣлалъ одинъ изъ моихъ товарищей—сослуживцевъ) въ отношеніи тѣхъ дѣлъ и фактовъ, которые мнѣ хорошо извѣстны лично; но по мѣрѣ того, какъ писалась предлагаемая теперь вниманію читателя статья и по мѣрѣ того, какъ я подбиралъ и изучалъ обширный интересующій меня матеріалъ по затронутымъ книжкой г. Комарова вопросамъ, выяснилась полная невозможность ограничиться на страницахъ газеты краткимъ опроверженіемъ всѣхъ тѣхъ серьезныхъ общихъ обвиненій, которыя развязно брошены названнымъ авторомъ по адресу всѣхъ работниковъ переселенческой организаціи на трудной нивѣ колонизаціи и землеустройства.

Проходя съ тяжелымъ чувствомъ мимо приводимыхъ г. Комаровымъ давно забытыхъ фактовъ криминальнаго характера, касающихся отдѣльныхъ своевременно понесшихъ наказаніе лицъ, а равно не касаясь вызывающихъ личныхъ выпадовъ автора противъ неугодныхъ ему мѣстныхъ дѣятелей,—я въ своемъ отвѣтѣ г. Комарову по мѣрѣ возможности старался держаться безпристрастнаго дѣлового освѣщенія имъ же

самимъ затронутыхъ вопросовъ и фактовъ изъ дѣятельности чиновъ мѣстнаго районнаго переселенческаго управленія и отчасти того вѣдомства, къ которому принадлежалъ до выхода „на пенсію" и самъ авторъ вышеупомянутой книжки, вступая въ полемическое единоборство съ почтеннымъ авторомъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ родъ оружія предлагается имъ самимъ вмѣсто скучныхъ цифръ и документальныхъ обоснованій.

И. К. Ковригинъ.

12 іюня 1913 года.

Г. Красноярскъ.

ПО ПОВОДУ КНИГИ

„ПРАВДА О ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМЪ ДѢЛѢ“

(А. И. Комарова).

I.

„Qualis vir talis oratio ejus“.

Сравнительно недавно выпущена въ свѣтъ книга подъ только-что выписаннымъ названіемъ.

Самъ авторъ въ началѣ предисловія къ своей работѣ развязно-балагурнымъ, весело-настраивающимъ читателя языкомъ, такъ говоритъ о происхожденіи изданной имъ книги, а кстати рекомендуетъ и себя въ точномъ соотвѣтствіи съ данными формулярнаго о службѣ его списка:

„Ну что-же? Еже писахъ—писахъ. Каюсь. Все,—что было помѣщено изъ Красноярска въ газетѣ „Новая Русь“ за 1908 1909 и 1910 гг. по вопросамъ переселенія въ видѣ писемъ „о переселенческой сутолокѣ“, въ видѣ статей „о культуртрегерахъ Чуно-Ангарскаго края“ за подписью „Д. П.“—все это принадлежитъ мнѣ—нижеподписавшемуся, статскому совѣтнику и кавалеру“.

Ну что жъ? скажемъ и мы: подобное сознаніе безспорно дѣлаетъ честь гражданскому мужеству автора разсматриваемой книги, и для него хорошо и

для публики недурно. А то вѣдь, въ самомъ дѣлѣ,— сколько людей и сколько времени ломали голову надъ разгадкою этихъ таинственныхъ иниціаловъ: „Д. П.“. Кто подъ ними могъ скрываться?—То-ли это, думалось иному читателю, какой-нибудь одинъ изъ „отчаянныхъ“ чиновъ огромной арміи министерства земледѣлія, или какой нибудь мудреный, но сокращенный псевдонимъ, вродѣ: „Добрый Пріятель“. „Дошлый Писака“, а то что нибудь еще и похуже.. И никто то, никто не могъ предположить, что подъ этими скромными иниціалами пописывалъ себѣ, да пописывалъ въ демократической газетѣ „маленькій генералъ и кавалеръ“. И хотя, положимъ, почтенный авторъ проявилъ свою храбрость не раньше, какъ вышелъ въ отставку, заполучивши солидную пенсію, но вѣдь, господа, кто-же себѣ врагъ? Иному не только статскому, но хотя бы и титулярному совѣтнику страсть какъ хочется ругнуть или „прохватить“ свое начальство и притомъ по самымъ благороднымъ побужденіямъ,— однако, какъ вспомнитъ про свой „домашній очагъ“ и возможность не только безвозвратно потерять статскаго совѣтника, кавалера и спасительную пенсію въ „день субботній“, послѣ 35-ти лѣтъ безпорочной службы, но—чего добраго—получить и неумолимое „перо“,—то сразу-же раздумье и возьметъ, да и скажетъ: „эхъ, ужъ лучше потерплю, да подожду, или прикроюсь какими нибудь „Д. П“, оно все-же какъ то спокойнѣе, —недаромъ-же и статскій совѣтникъ и кавалеръ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ нарядился въ Н. Щедрина, когда началъ печатать свои „Губернскіе очерки“.

Чтобы покончить съ изъявленіемъ нашимъ авторомъ покаянія и узнать его рыцарскую душу, нельзя еще не привести здѣсь заключительныхъ строкъ его „предисловія“, въ которыхъ онъ, принося искреннюю и глубокую благодарность Переселенческому Управленію, говоритъ: „Не дай оно мнѣ, въ числѣ прочихъ

чиновъ, возможности ознакомиться съ вновь открываемыми въ таежныхъ дебряхъ колонизаціонными районами—не было бы. пожалуй, и настоящей брошюры, такъ какъ ѣздить недѣлями по мѣстамъ, трудно проходимымъ, сопряжено всегда съ очень значительными „матеріальными расходами".

Ну, что и говорить,—конечно, „сопряжено", такъ какъ вѣдь и статскіе совѣтники не избавлены въ пути отъ проклятыхъ „матеріальныхъ расходовъ", хотя, положимъ, иные статскіе совѣтники и получаютъ „прогонныя" на цѣлый табунъ лошадей.. Нельзя также не присоединиться и къ признательности автора Переселенческому Управленію, давшему намъ, простымъ смертнымъ, случай съ восторгомъ читать вышеприведенныя благородныя строки почтеннаго писателя и избавившему насъ отъ несчастія на вѣкъ потерять возможность когда-либо узнать его „Правду" о дѣятельности этого Управленія и о тѣхъ безкорыстныхъ „изысканіяхъ", которыя авторъ усердно производилъ въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ.

Вообще, надо признаться, что „предисловіе" къ занимательной книгѣ г. Комарова—самая характерная и едва ли и не самая интересная ея часть, изъ которой можно усмотрѣть нетолько цѣль изданія названнаго пятилѣтняго труда, а также и тѣ мотивы и соображенія, ради которыхъ авторъ, неудовлетворившись газетными—кстати сказать—давно забытыми сообщеніями въ газетѣ „Новая Русь" за цѣлый рядъ лѣтъ, возымѣлъ непреодолимое желаніе набросить „краснаго пѣтуха" на крышу переселенческаго дѣла, снова муссируя и подчеркивая одни и тѣ же невѣроятные, имъ самимъ сочиненные или до неузнаваемости извращенные и по меньшей мѣрѣ сильно преувеличенные „факты." Противъ этихъ „фактовъ" г. Комарова, оповѣщенныхъ міру выше названной газетой, чины Переселенческаго Управленія, не предвидя и не оцѣня грозящей имъ опасности и готовящагося

имъ г. Комаровымъ возмездія,—представьте себѣ,— „возражать не рискнули". А почему? Да потому, говоритъ авторъ, что «трудно это было сдѣлать, такъ какъ, къ сожалѣнію, *ни одного* факта, начиная съ провода грани пересеселенческаго участка—*черезъ дома* старожильческаго селенія д. Барги (корреспонденціи „Новой Руси" №№ 118 и 240) вплоть до *безпардоннаго разгрома* наиболѣе цѣнныхъ лѣсныхъ богатствъ губерніи, - *опровергнуть нельзя*" *).

И какъ-бы устыдясь такой категоричности утвержденій, авторъ задаетъ себѣ такой вопросъ:

„Не слишкомъ-ли смѣло и не слишкомъ-ли самонадѣянно ставите Вы вопросъ?—могутъ замѣтить мнѣ".

И самоувѣренно отвѣчаетъ:

„По чистой совѣсти могу отвѣтить—нѣтъ".

Когда я прочиталъ это мѣсто въ „предисловіи" г. Комарова, то невольно подумалъ, что „бумага все терпитъ", а языкъ нашъ значительно чаще бываетъ намъ врагомъ, чѣмъ мы полагаемъ.

А, впрочемъ, вѣдь съ 1908 года *никто* автору не возражалъ на его безпощадныя разоблаченія... А это, если хотите, кого угодно и какъ угодно раззадоритъ и убѣдитъ—и скорѣе всего самого разоблачителя,—что все написанное имъ о переселенческомъ дѣлѣ есть доподлинная правда,—притомъ, такая, будто-бы, огромная „правда" объ отрицательныхъ сторонахъ дѣла, изъ-за которой онъ не могъ, а вѣрнѣе—не хотѣлъ видѣть другой не менѣе огромной и всѣмъ извѣстной правды,—правды о гигантской государственной работѣ, честно выполненной, по мѣрѣ силъ и возможности, Переселенческимъ Управленіемъ съ 1908 года, когда переселенческая волна стихійно поднялась до такой высоты и достигла такого напряженія, что противостоять ей могла только государственная власть и организація, вооруженная съ ногъ до головы неисчер-

---

*) (Курсивъ мой. И. К.)

паемыми рессурсами матеріальной силы и мощи. И говорить о „необходимости передачи переселенческаго дѣла въ руки будущаго Сибирскаго земства", какъ то дѣлаетъ авторъ (на стр. 31-й),— это значитъ сознательно лицемѣрить или наивно заблуждаться относительно основныхъ задачъ мѣстнаго земства, ибо кто же не знаетъ, кромѣ развѣ г. Комарова, что при подобной „передачѣ" колонизаціоннаго дѣла мѣстному самоуправленію одновременно придется прочитать и „отходную" этому дѣлу.

Однако же обратимся къ „правдѣ" г. Комарова и попытаемся опредѣлить ея удѣльный вѣсъ и цѣну.

Начнемъ, какъ это дѣлаетъ и самъ авторъ разсматриваемой книги,—съ „*провода грани переселенческаго участка черезъ дома* старожильческаго селенія д. Барги (стр. 2-я). Въ другомъ же мѣстѣ (стр. 39-я) къ этому прибавлено: „Да еще что, берегъ рѣчной съ версту отмахнулъ (топографъ), и выходитъ, что баргинцы-то и безъ рыбы, и безъ водопоя"..

Прежде, чѣмъ говорить по существу этого „факта", я считаю не лишнимъ заявить, что „баргинское дѣло» или иначе—дѣло по образованію пер. уч. „Чухновскаго"—мнѣ извѣстно нѣсколько лучше, чѣмъ г. Комарову, приводящему по нему лишь разговоръ своего собесѣдника.

И вотъ въ чемъ заключается простая исторія этого, не въ мѣру раздутаго дѣла.

Образованіе участка Чухновскаго изъ земель Канской казенной лѣсной дачи было произведено по *иниціативѣ* мѣстнаго Управленія государственными имуществами, предложившаго эти земли осенью 1907 года, вслѣдствіе настойчиваго ходатайства переселенцевъ, въ особенности латышей, буквально съ боя взявшихъ означенную дачу. На уступленную для названнаго участка восточную часть Канской лѣсной дачи осенью того-же 1907 года, *тоже по иниціативѣ* Управленія государственными имуществами, были ус-

ловно зачислены переселенцы. Уступка означенной земли была оформлена 21 апрѣля 1908 года лѣсничимъ Канскаго лѣсничества И. Я. Потаповымъ и производителемъ работъ Енисейской землеотводной партіи Г. П. Сибирцевымъ, составившими надлежащій актъ, изъ котораго видно, что они, „осмотрѣвъ совмѣстно Канскій казенный заказникъ, расположенный въ Канскомъ уѣздѣ, Енисейской губерніи, постановили выдѣлить изъ него подъ колонизацію площадь въ двухъ отрубахъ. Первый отрубъ въ слѣдующихъ границахъ: съ сѣвера—рѣка Канъ, съ востока—земли дер. Барги, Саргильскаго переселенческаго участка"... и т. д.

Этотъ актъ соглашенія былъ утвержденъ Управ ляющимъ государственными имуществами, о чемъ онъ и увѣдомилъ Завѣдывающаго переселеніемъ и землеустройствомъ 2 го мая 1908 года, за № 3880. При этомъ надо замѣтить, что въ означенномъ актѣ соглашенія Гг. Потапова иСибирцева ни слова не было сказано ни о томъ самовольномъ пользованіи крестьянъ д. Ильинки (Барги), какое впослѣдствіи было обнаружено въ уступленной Управленіемъ государственными имуществами части Канскаго заказника, ни о необходимости въ интересахъ Баргинцевъ, измѣненія границъ ея въ восточной части, близъ названной деревни.

Очевидно, какъ лѣсничій Потаповъ, такъ и Управленіе государственными имуществами, обязанное знать—кто пользуется въ казенной лѣсной дачѣ, въ какихъ размѣрахъ и на какомъ правѣ, уступая названную часть Канской дачи для колонизаціи и утверждая актъ соглашенія съ представителемъ Переселенческаго Управленія, или дѣйствительно не знали, что крестьяне старожилы бывшей дер. Усть-Баргинской (а нынѣ Ильинки) имѣютъ фактическое землепользованіе въ восточномъ углу уступленной подъ заселеніе переселенцевъ казенной лѣсной дачи или (что всего

вѣроятнѣе), зная о самовольномъ и притомъ весьма недавнемъ пользованіи землею въ названномъ углу Канской дачи, не придавали этому обстоятельству надлежащаго значенія, считая такое землепользованіе незаконнымъ.

Какое-же, однако, землепользованіе «старожиловъ» оказалось въ замежеванномъ въ Чухновскій переселенческій участокъ восточномъ углу вышеназванной дачи, какъ оно сложилось и когда? Почему, наконецъ, само лѣсное вѣдомство установило въ томъ мѣстѣ границу заказника такъ близко отъ старожильческой деревни, что, по неопровержимымъ даннымъ г. Комарова, эта граница, лишь возобновленная при обходѣ уч. Чухновскаго, прошла «черезъ дома» деревни?

На эти вопросы я могу отвѣтить слѣдующее.

Еще сравнительно недавно Усть-Барга была небольшая деревенька. По Х-й ревизіи въ этой деревнѣ числилось государственныхъ крестьянъ 99 душъ и 4 души солдатскихъ дѣтей; по даннымъ же 1881 года въ ней было 135 душъ м. п. и 127 д. жен. Всѣхъ же домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сельскомъ сходѣ, (какъ видно изъ имѣющагося въ дѣлѣ уч. Чухновскаго приговора отъ 6 августа 1908 г., за № 36), всего только 30.

Въ 1894 году, при открытіи работъ по образованію переселенческихъ и запасныхъ участковъ по закону 13 іюня 1893 г. въ Канскомъ уѣздѣ, Рыбинской волости, фактическое землепользованіе крестьянъ дер. Усть-Баргинской было инструментально обойдено чинами 2-й Восточно Сибирской межевой партіи, въ присутствіи и по указанію довѣренныхъ отъ общества названныхъ крестьянъ. Всей земли — по имѣющемуся въ архивѣ Управленія государственными имуществами чертежу границъ дачи д Барги — значилось у Баргинцевъ 1909 дес. 1440 кв. саж, изъ которыхъ, по

окладному листу Енисейской Казенной Палаты, числилось удобной земли 1853 дес.

Кромѣ этого приведеннаго въ извѣстность землепользованія, Баргинцы еще имѣли въ своемъ распоряженіи сѣнокосныя угодія внѣ границъ своей дачи, въ урочищахъ: „Золинъ", Верхній-Лугъ", „Лугъ у Бугунаевой по рч. Чаруха", „Уря". „Елань" и островъ среди р. Кана. Какая площадь этихъ урочищъ—свѣдѣній не имѣется.

И вотъ, когда изъ лѣсныхъ площадей, примыкавшихъ къ дачѣ д. Усть-Баргинской, была образована Канская казенная лѣсная дача, то чины лѣсного вѣдомства установили ея восточную границу именно въ томъ же направленіи, гдѣ таковая была показана самими крестьянами и проложена въ 1894 году. И очевидно эта граница удовлетворяла Баргинцевъ, хотя она и была проложена довольно близко отъ ихъ деревни, и никакихъ претензій ими лѣсному вѣдомству при образованіи Канскаго заказника, повидимому, не заявлялось.

Когда Баргинцы видѣли, что Канская казенная лѣсная дача, начиная съ 1906 года, въ лучшихъ своихъ (въ почвенномъ и экономическомъ отношеніяхъ), но отдаленныхъ отъ д. Барги частяхъ систематически самовольно захватывается переселенцами Западнаго Края, особенно латышами и эстонцами,—то сидѣли смирно и не волновались; но когда тѣ-же Баргинцы увидѣли, что самовольцы-переселенцы, не будучи никѣмъ сдерживаемые, стали усиленно напирать и на восточную часть Канской дачи,—тогда они порѣшили между собою, что чѣмъ быть только свидѣтелями упорнаго захвата самовольцами переселенцами казеннаго добра, лучше самимъ предупредить этотъ захватъ и тоже самовольно захватить ближайшій къ ихъ деревнѣ сѣверо-восточный уголъ лѣсной дачи, расчитывая на благодушіе начальства. Но все же, зная существенную разницу между своимъ положеніемъ, какъ сиби-

ряковъ, имѣющихъ болѣе чѣмъ достаточный запасъ земель въ своихъ дачахъ, и положеніемъ переселенцевъ, стихійно гонимыхъ сюда обездоливающимъ малоземельемъ у себя на родинѣ, Баргинцы надумали принять по пріемнымъ приговорамъ въ свою среду болѣе или менѣе значительное число переселенцевъ, чтобы, съ одной стороны, извлечь изъ этого извѣстную матеріальную выгоду („пріемныя деньги"), а съ другой —тѣхъ же переселенцевъ выдвинуть какъ авангардъ для отпорнаго захвата восточной части Канской дачи и западной Баргинскаго заказника, расположеннаго тоже по смежеству съ дачей названнаго общества, на востокъ отъ нея. Этимъ самымъ Баргинцы и имѣли въ виду оправдать намѣченный ими самовольный захватъ казенныхъ земель, лично въ нихъ нисколько не нуждаясь.

Сколько именно душъ переселенцевъ приняли Баргинцы въ свою среду—мнѣ въ данный моментъ неизвѣстно, но достаточно указать на то, что еще въ 1909 году дер. Усть-Барга увеличилась чуть-ли не вдвое и вновь принятые переселенцы стали даже настаивать на переименованіи этой деревни, чего безъ труда и достигли въ 1909 году: деревню назвали *Ильинскою*.

И безъ того близко расположенная отъ северо восточной границы Канской казенной лѣсной дачи бывшая дер. Усть-Баргинская, съ быстрымъ увеличеніемъ ея населенія, подтянула свои дворовыя постройки до 30 саж. отъ названной границы и даже два гумна были построены за нею, т. е. въ предѣлахъ заказника; а оказавшійся недостаточнымъ присельный выгонъ былъ самовольно увеличенъ „прирѣзкою" къ нему части тѣхъ земель въ сѣверо восточномъ углу Канской дачи, которыя были уступлены Управленіемъ государственными имуществами для колонизаціи, и которыя затѣмъ оказались и въ границахъ переселенческаго уч. Чухновскаго.

Судя по плану этого участка, въ захваченной Ильинцами (Баргинцами) для увеличенія присельнаго выгона части бывшей Канской казенной дачи заключается: мѣшанаго лѣса средней густоты насажденія 168 дес, и рѣдкаго березоваго лѣса—102 дес., а всего—270 дес. удобной земли.

Одновременно съ симъ Ильинцы добрались и до смежнаго съ ихъ дачей (на сѣверо востокѣ) Баргинскаго заказника, гдѣ они позавели пашни и захватили лучшія покосныя мѣста, не говоря уже о безпощадной рубкѣ остатковъ хотя сколько-нибудь цѣннаго строевого лѣса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ-же 1908 году, когда былъ образованъ пер. уч. Чухновскій, довѣренные отъ бывшаго Баргинскаго сельскаго общества—Петръ Гусевъ и Дмитрій Горбатовскій стали посылать однородныя прошенія Губернатору, Управляющему государственными имуществами и въ районное Переселенческое Управленіе, прося прирѣзать къ ихъ дачѣ вышеупомянутыя сѣнокосныя урочиша, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ, внѣ границъ дачи ихъ довѣрителей.

Всѣ эти прошенія въ разное время были направлены бывшему производителю работъ Енисейской землеотводной партіи Варѳоломееву „для доставленія свѣдѣній и заключенія“. Чтобы отвѣтить на означенныя прошенія по существу изложеннаго въ нихъ ходатайства, необходимо было произвести обстоятельный осмотръ всѣхъ тѣхъ урочищъ, о прирѣзкѣ которыхъ, въ качествѣ дополнительнаго земельнаго надѣла, просили Баргинскіе довѣренные; и такъ какъ, въ силу разбросанности бывшихъ въ порученіи у г. Варѳоломеева землеотводныхъ работъ и по недостатку отъ болѣе отвѣтственныхъ работъ времени, онъ въ 1908 году до наступленія зимняго періода осмотрѣть вышеназванныя урочища не успѣлъ (хотя и собралъ для своихъ соображеній опросныя данныя) и сдѣлалъ этотъ осмотръ лишь лѣтомъ 1909 г.

Вотъ что, между прочимъ, донесъ по этому поводу производитель работъ Варѳоломеевъ своему непосредственному начальству въ рапортѣ отъ 22 сентября 1909 г., за № 104:

„Деревня Барга расположена между сѣвернымъ отрубомъ Канской казенной лѣсной дачи, Усть-Баргинскимъ заказникомъ и землепользованіемъ к. дер. Высотиной, протягиваясь полосой по лѣвому берегу р. Кана.

„При проѣздѣ моемъ черезъ дер. Баргу въ августѣ мѣсяцѣ минувшаго 1908 года съ цѣлью осмотра сѣвернаго отруба Канской лѣсной дачи, уступленнаго подъ колонизацію согласно акта, составленнаго бывшимъ производителемъ работъ Сибирцевымъ и Канскимъ лѣсничимъ Потаповымъ и утвержденнаго Управленіемъ государственными имуществами Енисейской губерніи,—крестьяне дер. Барги—черезъ избранныхъ довѣренныхъ—заявили мнѣ протестъ противъ образованія участковъ въ Канской дачѣ и Усть Баргинскомъ заказникѣ, мотивируя это неудобствомъ обойденныхъ границъ ихъ землепользованія и недостаткомъ сѣнокосныхъ угодій и выгонныхъ земель. При этомъ довѣренные Баргинскаго общества указали, что желали бы получить прирѣзку изъ Комаровскаго заказника (урочище „Комаровскій Лугъ“), нѣкоторыя сѣнокосныя площади изъ Баргинскаго заказника, островъ среди р. Кана и, кромѣ того, небольшую полосу изъ сѣвернаго отруба Канской дачи.

„Съ цѣлью провѣрки основательности притязаній Баргинскаго сельскаго общества мною были вытребованы посемейные списки крестьянъ, проживающихъ въ дер. Баргѣ, и произведена рекогносцировка землепользованія Баргинцевъ, Усть- Баргинскаго заказника и Канской дачи. Это изслѣдованіе показало, что въ нѣкоторой степени жалобы Баргинцевъ на отсутствіе сѣнокосовъ и недостаточность выгонныхъ земель справедливы, поэтому было бы нежелательно образова-

ніе участковъ по правому берегу р. Кана и въ Баргинскомъ заказникѣ (послѣдній кромѣ того, мало пригоденъ подъ пашню, но изобилуетъ сѣнокосами, необходимыми Баргинцамъ).

Послѣ осмотра я указалъ довѣреннымъ, что такъ какъ у нихъ имѣются границы землепользованія, то прирѣзку они могутъ получить при земельномъ устройствѣ изъ Усть-Баргинскаго заказника и по правому берегу р. Кана; въ настоящее же время чины переселенческой партіи не могутъ удовлетворить ихъ желаній, такъ какъ это выходитъ изъ предѣловъ компетенціи землеотводной партіи.

Въ силу послѣдняго обстоятельства, я *не почелъ себя въ правѣ измѣнять границы сѣвернаго отруба Канской дачи по смежеству съ д. Баргой*, такъ какъ это было-бы ни чѣмъ инымъ какъ прирѣзкой, равносильной частичному землеустройству, безъ связи съ устройствомъ другихъ селеній, и притомъ неимѣющему обязательнаго характера при будущемъ поземельномъ устройствѣ въ сплошномъ порядкѣ. *Удовлетвореніе просьбы Баргинскаго общества повлекло-бы за собой цѣлый рядъ однородныхъ ходатайствъ отъ смежныхъ сельскихъ обществъ* (напр., дер. Высотиной) и способствовало-бы укрѣпленію въ населеніи мысли на непрочность и необязательность существующихъ границъ и возможность постоянныхъ прирѣзокъ изъ казенныхъ земель и различныхъ передѣловъ земельнаго пользованія.

Изложенныя соображенія нельзя не признать для даннаго случая достаточно основательными. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ,—и тактика, и психологія Баргинцевъ стали вполнѣ понятными, ибо чѣмъ, какъ не сознаніемъ своей безнаказанности въ самовольномъ захватѣ земель заказника, можно объяснить то обстоятельство, что Баргинское общество почти одновременно съ жалобами на малоземелье, стало принимать въ свою среду переселенцевъ. И поощрять подобныя комбина-

ціи безусловно нельзя, если мы сознательно не желаемъ потворствовать земельной анархіи.

Утвердившись въ этой мысли и вовсе отказавшись въ интересахъ Баргинцевъ отъ образованія переселенческихъ участковъ въ сосѣднемъ съ дачей д. Барги Усть - Баргинскомъ заказникѣ, производитель работъ Варѳоломеевъ считалъ себя и юридически, и нравственно правымъ стать на сторону осѣвшихъ уже въ уступленной лѣснымъ вѣдомствомъ части Канской дачи обездоленныхъ переселенцевъ и поручилъ старшему топографу Зиборову *возобновить* границы этой дачи по смежеству съ легальнымъ землепользованіемъ крестьянъ дер. Барги и подробно снять на планъ ту именно площадь земель, изъ которой и былъ запроектированъ пер. уч. Чухновскій, принятый затѣмъ и временной комиссіей.

Возобновляя (а не прокладывая вновь) издавна существовавшія границы дачи д. Барги, оказавшіяся на разстояніи 30 саж. отъ крайнихъ строеній, топографъ Зиборовъ долженъ былъ, за утратою въ натурѣ промежуточнаго (у граничнаго промѣра) знака, пройти и измѣрить не только суходольную границу бывшей лѣсной дачи, но и служащій продолженіемъ ея магистральный ходъ подлѣ р. Кана до конца прямой линіи, гдѣ и былъ имъ обнаруженъ межевой столбъ съ ямой. Вотъ *это-то* ни кому и ни чѣмъ не грозящее *измѣреніе* магистральнаго хода, находящагося между р. Каномъ, (которая въ данномъ мѣстѣ служитъ границей Баргинской дачи) и самой деревней Баргой—дало поводъ глупому собесѣднику г. Комарова думать, что топографъ у Баргинцевъ „берегъ рѣчной съ версту отмахнулъ", оставивъ ихъ „и безъ рыбы, и безъ водопоя".

Но было-бы непростительной наивностью полагать, что г. Комаровъ не зналъ о чемъ пишетъ и какую жестокую) и безсмысленную (при его спеціальной компетенціи *клевету* онъ вложилъ въ уста дѣйст-

вительнаго или выдуманнаго имъ собесѣдника, и эта клевета дѣлала и дѣлаетъ свое скверное дѣло.

И невольно напрашивается вопросъ: доволенъ-ли былъ г. Комаровъ результатами своихъ изысканій въ 1908 мъ году? И приходится за него отвѣтить: увы— онъ былъ неудовлетворенъ и снова повторяетъ ту-же клевету, способную вызвать краску стыда у каждаго человѣка съ непомраченною совѣстью.

Но этого мало: вѣдь г. Комаровъ знаетъ же, что та *злополучная граница* Чухновскаго участка (проложенная—по его словамъ „черезъ дома"), немедленно по жалобѣ Баргинцевъ и послѣ его корреспонденціи въ „Новой Руси", *была исправлена и отнесена отъ дер. Барги на 300 саж.* Эта граница была-бы отнесена и еще дальше, но для этого пришлось бы совершенно раззорить 10 хуторянъ, успѣвшихъ къ тому времени уже построиться и распахать землю.

Такъ къ чему же, спрашивается, понадобилось г. Комарову вновь возвращаться къ потерявшему уже теперь всякое значеніе „факту". Очевидно только потому, какъ онъ полагаетъ, что ему съ 1908 года „возражать не рискнули"... Между тѣмъ, объ этомъ „фактѣ", казалось-бы, не только писать вновь въ отдѣльной книгѣ, но даже и вспоминать въ простомъ разговорѣ—не стоило бы. Излишне говорить, что къ этому обязываетъ простая человѣческая и житейская порядочность; и ни одинъ статскій совѣтникъ, какъ бы его сильно не искушалъ бѣсъ блудословія, не можетъ въ данномъ случаѣ составлять исключенія, и не долженъ переходить грани дозволеннаго, ибо г. Комаровъ знаетъ, что подчеркиваніемъ и муссированіемъ „баргинскаго дѣла" онъ не подвинетъ ни на одинъ шагъ реорганизацію переселенческаго дѣла на желательныхъ для него началахъ; слѣдовательно, рѣчь теперь можетъ итти только о вполнѣ выясненныхъ своевременно исправленныхъ и уже покрытыхъ густой пылью работахъ.

Итакъ, чтобы покончить съ „правдой" г. Комарова по «баргинскому дѣлу» и поставить разъ навсегда точку, остается заявить:

во 1-хъ, что чинами Енисейской землеотводной партіи при образаваніи Чухновскаго переселенческаго участка *не прокладывалась новая граница* по смежеству съ дачей д. Барги, *а возобновлялась старая граница* Канской казенной лѣсной дачи, установленная самимъ лѣснымъ вѣдомствомъ и быть можетъ не безъ участія бывшаго лѣсного ревизора, г. Комарова;

во 2-хъ, только что названная граница, вопреки утвержденію автора „Правды о переселенческомъ дѣлѣ", установлена *не „черезъ дома" д. Барги, а первоначально возобновлена въ 30 саж.. а затѣмъ проложена —въ 300 саженяхъ отъ нея—съ 1909 года;*

и въ 3-хъ, для земельнаго обезпеченія жителей бывшей деревни Барги, а нынѣ—Ильинки, не только оставлены свободными всѣ просимыя ими сѣнокосныя урочища, но и *оставленъ цѣлый Усть-Баргинскій заказникъ* въ нѣсколько тысячъ десятинъ, „изобилующій покосами".

II.

На страницахъ 58, 59 и 60 книжки г. Комарова говорится о томъ, что образованіемъ 13 перес. участковъ на лѣвой сторонѣ р. Ангары изъ земель кр. д.д. Кулаковой и Кондаковой землепользованіе ихъ стѣснено въ весьма значительной степени; причемъ отъ Кулаковцевъ отошло въ участки, будто бы, 7 заимокъ, а отъ Кондаковцевъ 5, да пашенъ съ покосами десятинъ 500. Сначала разсказъ ведется отъ лица собесѣдника г. Комарова, а затѣмъ онъ самъ пишетъ:

„Въ общемъ всѣ 13 участковъ оказались недурны, да и мудрено имъ было быть иными, разъ у старожиловъ были отобраны лучшіе куски, и я не сомнѣваюсь, что въ настоящее время большая часть ихъ заселена полностью. А все таки ради этого не стоило и старо-

жиловъ отграничивать такъ, что имъ, какъ напримѣръ кулаковцамъ, пожалуй что и курицу выпустить некуда. Право, для Сибири это какъ будто рановато".

Насколько подобныя сѣтованія г. Комарова на чиновъ переселенческой организаціи основательны и въ какой степени нарушены земельные интересы старожиловъ вышеназванныхъ деревень,—это можно легко видѣть изъ нижеслѣдующихъ данныхъ дѣла по образованію въ 1908 г. переселенческихъ участковъ „Ангаро-Тасѣевской" группы.

Изъ проекта производителя работъ, между прочимъ, видно, что по добровольной уступкѣ крестьянъ-старожиловъ въ участки названной группы отошло отдѣльными разбросанными на громадномъ пространствѣ клочками: отъ Кулаковцевъ—58,5 десятинъ пашни—наполовину старой, выпаханной и наполовину свѣжей—и часть „вольныхъ" покосовъ; отъ Кондаковцевъ—пашни около 50 десятинъ, изъ которыхъ свѣжей около 20-ти десятинъ и незначительная часть сѣнокосовъ; и отъ Николаевцевъ (Канскаго у.)—55 десятинъ старой пашни и ничтожная часть покосовъ.

По доставленнымъ Казачинскимъ и Тасѣевскимъ волостными правленіями посемейнымъ спискамъ *въ дер. Кулаковой*—къ 1 мая 1908 г.—значилось всего населенія мужского пола, (считая и находящихся въ отлучкѣ)—110 душъ.

До образованія здѣсь переселенческихъ участковъ Кулаковцы пользовались землею такъ раскиданно, что занимали площадь около 14000 десятинъ, что составляло по 127 съ лишнимъ десятинъ на каждую душу.

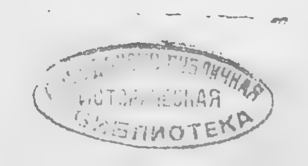
Эта разбросанность землепользованія, какъ выяснилось при надлажащемъ обслѣдованіи, отнюдь не являлась слѣдствіемъ территоріальной необходимости или примѣненія наилучшей системы полеводства, а просто и единственно благодаря ни кѣмъ и ни чѣмъ не стѣсняемому простору землепользованія и укоренившейся здѣсь привычкѣ, при возможно наименьшей

затратѣ силъ, времени и средствъ, взять отъ земли ея производительную цѣнность, такъ сказать, „снять сливки“, чтобы черезъ 3—4 года ее бросить и то же самое продѣлать въ другомъ мѣстѣ. При этомъ мѣстный житель, ведя экстенсивное земледѣліе, отнюдь не считается съ большими разстояніями и затратою времени на переѣзды отъ своей деревни до пашенъ, и ему нуженъ онъ ищетъ только такой кусокъ земли, который былъ-бы свободенъ, во 1-хъ, отъ зарослей лѣса, а во 2 хъ, чтобы на немъ не было твердаго дерна, бороться съ которымъ посредствомъ мѣстной сохи колесухи здѣшніе крестьяне почти не рѣшаются. Вотъ— отгадка того явленія, что мѣстные земледѣльцы, совершенно игнорируя расположенныя близко (иногда у самой деревни) площади хотя-бы съ очень рѣдкимъ лѣсомъ и съ почвами сравнительно высокаго качества,—ѣдутъ за 15—25 верстъ на такъ называемыя „гари“ (мѣста съ выжженной тайгой) и тамъ легко распахиваютъ себѣ пашню отдѣльными клочками, берутъ съ нея 3—4 урожая (больше таежная, слегка оподзоленная почва не даетъ безъ удобренія, къ которому, однако, здѣсь не прибѣгаютъ),—мѣняя эти клочки на новые черезъ каждые 4—5 лѣтъ. Вотъ, поэтому-то, здѣшняя пашня на „гаряхъ“ не имѣетъ въ глазахъ крестьянъ той цѣны, какъ пашня въ болѣе южныхъ районахъ, раздѣланная изъ подъ лѣса не лѣсными пожарами и палами, а посредствомъ подсочки, а тѣмъ болѣе корчеваніемъ.

Но обратимся къ земельнымъ интересамъ крестьянъ д.д. Кулаковой и Кондаковой.

Къ 1 мая 1908 г. по посемейнымъ спискамъ въ *д. Кондаковой* (вмѣстѣ съ ссыльно-поселенцами и находящимися въ отлучкахъ) состояло 89 душъ мужск. пола.

Площадь земли, которая была до образованія участковъ въ распоряженіи Кондаковцевъ, равнялась

приблизительно 10000 десятинъ, или по 112 дес. съ лишнимъ на каждую душу.

Конечно, такое очевидное многоземелье, по условіямъ колонизаціонныхъ задачъ того времени, за выяснявшимся уже истощеніемъ казенно-свободныхъ безусловно пригодныхъ для заселенія земель, не могло быть оставлено ненарушеннымъ въ большей или меньшей степени.

Но такъ какъ мѣстное населеніе въ массѣ не было подготовлено къ возможному и тѣсному сосѣдству съ ихъ землепользованіемъ пришлыхъ добровольныхъ засельниковъ, то на первое время производителю работъ вѣроятно не легко было убѣдить здѣшнихъ старожиловъ на добровольную уступку очевидныхъ излишковъ находяшихся въ ихъ пользованіи земель, и только обѣщаніе сохранить за крестьянами значительный запасъ земли въ ихъ дачахъ противъ узаконенной нормы подвинуло быстро дѣло добровольнаго соглашенія объ уступкѣ излишнихъ земель, результатомъ котораго явился общественный приговоръ крестьянъ д.д. Кулаковой и Кондаковой отъ 13 іюня 1908 г., за № 23, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

.... „Принимая во вниманіе, что здѣшнія почвы слабыя и болѣе 2—3-хъ хлѣбовъ не даютъ, да къ тому же въ нашихъ дачахъ очень много тайги и осинниковъ, растущихъ по чрезвычайно неплодородной почвѣ, такъ что если намъ нарѣжутъ по 15-ти десятинъ на мужскую душу то этого для насъ очень и очень мало, въ виду изложенныхъ причинъ; а потому единогласно *приговорили*: просить г. производителя работъ Переселенческаго управленія дать намъ надѣлъ на наличное число душъ нашего общества деревень— Кулаковой и Кондаковой *вдвое больше* удобной земли, чѣмъ полагается по закону; всѣ же остальныя излишнія земли мы согласны уступить подъ переселенческіе участки“.

На основаніи только что приведеннаго приговора, изложенные мотивы въ которомъ нельзя не признать до извѣстной степени заслуживающими уваженія, и руководствуясь ст. 10 й Пол. Крест. Сибир. (закона 23 мая 1896 г), производителемъ работъ было дано порученіе упоминаемому и въ книгѣ г. Комарова топографу Абельтину, *въ присутствіи и по указанію* избранныхъ отъ вышеназванныхъ обществъ 6-ти человѣкъ довѣренныхъ, уполномоченныхъ для сего приговорами отъ 13 и 14 іюня 1908 г., за №№ 24 и 25,— проложить въ натурѣ границы дачъ землепользованія крестьянъ д.д. Кулаковой и Кондаковой, по такому расчету, чтобы въ эти дачи, *не считая землепользованія на островахъ р. Ангары* и по правой сторонѣ ея, включена была площадь удобныхъ земель не менѣе 30 десятинъ на наличное число душъ м. п. крестьянъ этихъ деревень.

Это порученіе было исполнено, и въ результатѣ въ дачѣ *д. Кулаковой* оказалось земли (по даннымъ инструментальнаго обхода и неподробной съемки): удобной 4465 дес., неудобной 1600, всей 6065 дес., что на каждую душу м. п. составляетъ—удобной земли по 40,59 десят., а всей площади—по 55 съ лишнимъ десятинъ (не считая Ангарскихъ острововъ и другихъ мѣстъ.

Въ дачѣ *Кондаковой* по тѣмъ-же даннымъ (не считая пользованія на правой сторонѣ р. Тасѣевой), оказалось земли: удобной—3325 дес., неудобной 2000, всей 5325 дес., что на каждую наличную душу м. п. составитъ по 37,36 десят. удобной земли и по 59,83 дес. общей площади.

Затѣмъ, вслѣдствіе отдѣльныхъ ходатайствъ на засѣданіи временной комиссіи, изъ уступленныхъ подъ колонизацію земель возвращено обратно и прирѣзано: къ дачѣ д. Кулаковой удобной земли—343 дес., неудобн 58, всей—401 дес.,—съ каковой прирѣзкой по данной дачѣ на душу приходилось удобн. земли *43,71*

дес.; и къ дачѣ дер. Кондаковой—удобной 424,70 дес., неудобной—129,30 дес., всей—554, съ каковой прирѣзкой у Кандаковцевъ въ дачѣ оказалось удобной земли на наличную душу *по 42,12 дес.*, т. е. почти столько-же, какъ и у Кулаковцевъ.

За сдѣланными прирѣзками, *ни одной заимки* названныхъ крестьянъ съ прочнымъ домообзаводствомъ въ составъ переселенческихъ участковъ, вопреки утвержденію г. Комарова, не вошло, если не считать, конечно, за заимки—полевыя юрты и балаганы Тѣмъ не менѣе Кулаковцы, ссылаясь на то, что у нихъ въ смежный съ ихъ дачей уч. Россоха (въ урочищѣ „Нижняя Гарь") вошло 17,5 десят. пашни, просили губернское начальство въ 1909 году вернуть имъ названную мѣстность, но общее присутствіе Енисейскаго Губернскаго Управленія, разсмотрѣвъ вышеприведенныя цифровыя данныя „и принимая во вниманіе, что: 1) землепользованіе Кулаковскаго общества представляется весьма значительнымъ; 2) что земельные интересы названнаго общества въ отношеніи мѣстности, отошедшей подъ переселенческій участокъ „Россоха", затронуты въ ничтожной степени, опредѣляясь количествомъ 17,5 десятинъ, почему никакого значенія, при общей земельной обезпеченности населенія д. Кулаковой, на образованіе упомянутаго участка имѣть не могутъ и, 3) что, такимъ образомъ, домогательство Кулаковскаго общества, изложенное въ жалобѣ довѣреннаго отъ 1909 года—о предоставленіи въ пользованіе его довѣрителей такъ называемой „Нижней Гари"—является явно неосновательнымъ,—общее присутстіе *опредѣляетъ*: означенную жалобу оставить безъ послѣдствій, о чемъ увѣдомить" и т. д.

Впрочемъ, Кулаковцы, а вмѣстѣ съ ними и г. Комаровъ, могутъ порадоваться: не только „Нижняя-Гарь", но и всѣ „гари", всѣ пашни и покосы, включенные въ 1908 году въ 13 участковъ Ангаро-Тасѣевской группы и до сего времени состоятъ въ пользо-

ваніи крестьянъ Кулаковскаго и Кондаковскаго, (а также и Николаевскаго) обществъ, такъ какъ, въ силу отдаленности и отчасти изолированности рѣк. Енисеемъ, всѣ переселенческіе участки названной группы до даннаго момента считаются свободными и зачисленія на нихъ переселенцевъ не производилось. Но гдѣ-же, спрашивается, и въ чемъ-же здѣсь „правда"? Вѣдь надо-же дописаться до такого абсурда, что душевой надѣлъ въ 42 и 43 десятины удобной земли, а съ пользованіемъ на островахъ и въ другихъ мѣстахъ и—*до 45 десятинъ*, у г. Комарова въ его „Правдѣ" превратился въ такое малоземелье что „некуда и курицу выпустить"...

Охъ, ужъ этотъ „бѣсъ блудословія"—опять напроказилъ и соблазнилъ на грѣхъ нашего почтеннаго автора—статскаго совѣтника и кавалера,—да вѣдь какъ насмѣялся-то, проклятый, вишь 45 десятинъ на душу—малоземелье, да еще какое?—„курицу выпустить некуда"....

Но вѣдь бѣсъ—такъ бѣсъ, какой бы тамъ ни было, а все-же нечистая сила, и отъ нее, какъ видите, не такъ то легко освободиться: только въ концѣ своей книжки г. Комарову удалось съ трудомъ „отринуть" этого самаго соблазнителя—„бѣса блудословія", но вѣдь сколько же до конца-то ея понаписано этой бѣсовской „правды"...

III.

Возьмемъ хотя вотъ это мѣсто:

„Но совершенно отказываюсь, пишетъ г. Комаровъ,—понимать центральное переселенческое управленіе, умудрившееся въ 1909 году *прислать въ глухую сибирскую тайгу* (?) въ качествѣ топографа нѣкоего Козелковскаго, окончившаго гдѣ-то въ Германіи чуть-ли не школу Изящнаго Садоводства. Разумѣется, изящный садоводъ осенью того же года, по возвращеніи съ работъ, былъ освобожденъ отъ занятій, но

что же онъ успѣлъ надѣлать за лѣто, хотя и работалъ подъ руководствомъ старшаго рабочаго, взятаго на прокатъ у топографа Эйсбрюннера?".

Сколько въ этомъ сообщенiи „правды"—читатель может усмотрѣть изъ нижеслѣдующаго.

Въ 1908 году, въ самый разгаръ наивысшаго напряженія колонизаціонныхъ работъ, за очевидной недостаточностью штатныхъ топографовъ, центральнымъ Переселенческимъ управленіемъ было разрѣшено во всѣхъ районахъ, въ видахъ скорѣйшей заготовки колонизаціоннаго фонда, принимать молодыхъ людей, желающихъ занять должность топографа по вольному найму. Вотъ, въ числѣ этихъ „желающихъ" дѣйствительно оказался нѣкій Козловскій (а не Козелковскій) принятымъ въ качествѣ помощника топографа подъ личную отвѣтственность завѣдующимъ въ то время Енисейской землеотводной партіей княземъ Хованскимъ. И хотя Козловскій, подвергнутый испытанію, обнаружилъ весьма слабыя знанія въ геодезіи, но, въ виду его настойчивыхъ просьбъ и обѣщаній быстро усвоить практическую сторону техническихъ работъ, князь Хованскій тѣмъ не менѣе (съ надлежащаго, конечно, разрѣшенія) его принялъ, испросилъ для него авансъ въ 600 руб. на наемъ рабочихъ и подводъ и командировалъ въ распоряженіе одного опытнаго производителя работъ, завѣдывающаго отводомъ переселенческихъ участковъ въ Енисейскомъ уѣздѣ, Казачинской волости.

Когда явился Козловскій къ мѣсту назначенія и былъ, по предложенію производителя работъ, топографомъ-инструкторомъ Михайловымъ опрошенъ по части геодезической премудрости, то выяснилось, что какія либо межевыя работы для самостоятельнаго производства ихъ въ полѣ Козловскому поручать рискованно, а потому послѣднему производителемъ работъ было предложено на выборъ — или быть прикомандированнымъ въ помощь къ старшему топографу Эйс-

брюннеру, или—быть откомандированнымъ обратно въ г. Красноярскъ. Козловскій выбралъ первое.

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что еще одно обстоятельство повліяло на рѣшеніе производителя работъ оставить въ своемъ районѣ это лицо. Дѣло въ томъ, что къ моменту пріѣзда въ с. Казачинское—(резиденцію производителя работъ) у топографа Эйсбрюннера былъ „на исходѣ" выданный ему на производство работъ дополнительный авансъ, а на полученіе новаго дополнительнаго аванса, за истощеніемъ разрѣшеннаго на районъ кредита, надежды было мало, и во всякомъ случаѣ, предвидѣлась—или небольшая задержка въ планомѣрномъ исполненіи работъ, или незначительность самой суммы необходимаго для завершенія намѣченныхъ работъ аванса. А тутъ какъ разъ совершенно неожиданно появился Козловскій и съ нимъ 600 руб. аванса казенныхъ денегъ... Колебанія были излишни—и Козловскій остался на полевыхъ работахъ Но ему вновь было поставлено слѣдующее условіе.

У старшаго топографа Эйсбрюннера состоялъ практикантомъ нѣкто Лыткинъ (назначенный въ слѣдующемъ году топографомъ), о которомъ Эйсбрюннеръ отозвался довольно похвально и высказалъ производителю работъ увѣренность въ томъ, что Лыткинъ является настолько съ технической стороны подготовленнымъ, что совершенно свободно и самостоятельно можетъ производить работы по съемкѣ земель. Вотъ знанія этого то практиканта Лыткина и имѣлъ въ виду использовать производитель работъ, оставляя Козловскаго въ своемъ районѣ, съ такимъ расчетомъ, чтобы послѣдній оффиціально числился ведущимъ работы, а въ дѣйствительности, параллельно съ нимъ и помогая ему, за особую плату, съемку производилъ Лыткинъ, ведя самостоятельно абрисъ.

Когда Козловскій согласился на такую комбинацію, то ему и была поручена подробная съемка зе-

мель въ мѣстности по рч. Бѣлокопытовкѣ, подъ наблюденіемъ старшаго топографа Эйсбрюннера.

Хотя Козловскій и велъ свой абрисъ при съемкѣ земель одновременно съ Лыткинымъ, (но въ отдѣльной книжкѣ), однако,—планъ на снятую мѣстность былъ составленъ по даннымъ практиканта Лыткина, хотя и былъ подписанъ Козловскимъ.

По окончаніи полевого періода и по возвращеніи межевыхъ чиновъ въ Красноярскъ, когда былъ данъ о Козловскомъ окончательный отзывъ топографомъ-инструкторомъ и производителемъ работъ, выяснившими полную его техническую несостоятельность, названный „иностранецъ" былъ уволенъ.

Вотъ—какова дѣйствительная обстановка, и каковы условія момента, сопровождавшія пребываніе нѣкоего Козловскаго на полевыхъ работахъ въ Енисейскомъ районѣ.

Прочтетъ это мѣсто иной читатель, да и скажетъ: стоило ли такой пустой случай съ какимъ то "Козелковскимъ" предавать гласности и затѣмъ перепечатывать еще въ настоящее время въ книгу, расчитанную на разоблаченіе отрицательныхъ сторонъ въ переселенческомъ дѣлѣ?..—Конечно, не стоило,—можно согласиться съ читателемъ, но не такъ на это посмотрѣлъ авторъ „Правды о переселенческомъ дѣлѣ" и рѣшилъ, что если: вмѣсто завѣдывающаго землеотводной партіей подставить „центральное переселенческое управленіе", вмѣсто 1908 года—1909 г., вмѣсто двухъ съ половиной мѣсяцевъ лишь пребыванія Козловскаго въ районѣ работъ—сказать: „что-же онъ успѣлъ надѣлать за лѣто", вмѣсто практиканта Лыткина, назначеннаго въ слѣдующемъ году топографомъ,—подставить „старшаго рабочаго, взятаго на прокатъ у топографа Эйсбрюннера",—то, глядишь, что нибудь выгодное для разоблачителя и останется въ головѣ слишкомъ довѣрчиваго читателя. И это тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ скорѣе прочтетъ читатель дальнѣйшее

поясненіе г. Комарова сочиненнаго имъ промаха со стороны „центральнаго переселенческаго управленія“:

„Можно и даже слѣдуетъ быть благожелательнымъ сановникомъ, но зачѣмъ-же... человѣка, понимающаго толкъ въ цвѣтникахъ и клумбахъ гнать въ непривѣтливую сибирскую тайгу *устраивать переселенцевъ*“... И затѣмъ добавляетъ: „Эхъ, держали-бы Вы ихъ лучше у себя въ имѣніяхъ, что ли“.

Такъ вотъ видите—куда, по просту выражаясь, гнулъ статскій совѣтникъ Комаровъ.... То, что онъ извратилъ ситуацію разсказаннаго имъ случая,— это не такъ ужъ важно, и весь этотъ разсказъ про „изящнаго садовода Козловскаго“ велся, видимо, только для того, чтобы сдѣлать ему послѣднюю *подтасовку* о томъ, что Козловскаго, при всемъ его техническомъ убожествѣ, „умудрилось назначить центральное переселенческое управленіе“ .. „*устраивать переселенцевъ*“.

Но вѣдь г. Комаровъ прекрасно знаетъ, что переселенцевъ „устраиваютъ“ въ земельномъ отношеніи не какіе-то вольнонаемные Козловскіе, ни даже штатные топографы, а только и исключительно производители работъ землеотводныхъ партій, которые и несутъ всю отвѣтственность за образованіе переселенческихъ участковъ; какъ равно знаетъ онъ и то, что приведенный въ его книгѣ случай съ „Козелковскимъ“ *единственный* за все время функціонированія временныхъ партій по заготовкѣ участковъ... Для чего же, спрашивается, ему понадобилось этотъ единичный не стоющій вниманія случай не только оповѣщать, но и *обобщать* въ какое-то ненормальное, болѣзненное, но заурядное для центральнаго переселенческаго управленія явленіе....

Ну, положимъ, принятіе Козловскаго, даже въ видѣ опыта, было сдѣлано недостаточно осмотрительно, но во,—первыхъ, подъ личной отвѣтственностью завѣдывающаго партіей, во—вторыхъ, во время дѣйствительной и острой нужды въ техникахъ, а въ – треть-

ихъ, какое, скажите пожалуйста, произошло отъ этого зло? Чьи пострадали интересы: казны?, переселенцевъ? старожиловъ?—Ничуть не бывало, если не считать нѣсколькихъ испорченныхъ Козловскимъ, (да и то не совсѣмъ) листиковъ казенной абрисной книжки. Чего онъ самъ не сдѣлалъ, какъ топографъ, то за него и за его счетъ *все было сдѣлано*, что полагается; да и самъ Козловскій, при всей его технической неопытности, все же былъ использованъ для дѣла въ возможной степени: онъ нанималъ и разчитывалъ рабочихъ, слѣдилъ за работами, за правильнымъ измѣреніемъ линій и т. п. Послѣ окончанія же полевого періода былъ немедленно уволенъ.

И снова хочется спросить: для чего собственно такая „правда" писана г. Комаровымъ, какая ей цѣна и кого она можетъ ввести въ заблужденіе послѣ первой-же попытки серьезно посчитаться съ ней и разобрать ее съ фактическими данными въ рукахъ?

IV.

Считаю нелишнимъ также сказать нѣсколько словъ по поводу подчеркиваемаго въ книгѣ г. Комарова *„безпардоннаго разгрома наиболѣе цѣнныхъ лѣсныхъ богатствъ губерніи"*.

Если стать на точку зрѣнія объективнаго безпристрастія и не стараться во что-бы то ни стало обвинить въ „безпардонномъ разгромѣ" лѣсныхъ богатствъ въ Сибири одно лишь Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія, то нельзя не признать за неоспоримый фактъ, что истребленіе лѣсовъ во всей Сибири, въ томъ числѣ, конечно, и въ Енисейской губерніи, началось далеко до учрежденій здѣсь управленій государственными имуществами и до образованія казенныхъ лѣсныхъ дачъ и заказниковъ.

Никто также не будетъ оспаривать и того положенія, что съ учрежденіемъ спеціальнаго мѣстнаго органа управленія лѣсного вѣдомства прежняя лѣсо-

истребительная анархія была значительно ослаблена, безпощадная вырубка цѣнныхъ насажденій почти прекращена и лѣсопользованіе мѣстнаго населенія на казенно свободныхъ земляхъ годъ отъ года регулировалось все болѣе и болѣе близко стоящими къ жизни нормами.

Но при всемъ томъ, кто же не знаетъ, что истребленіе лѣсныхъ богатствъ въ Сибири вообще и въ Енисейской губерніи въ частности, продолжается и до сего времени, при существующей системѣ управленія, при до смѣшного недостаточной охранѣ, при поголовномъ невѣжествѣ населенія, что касается пользованія „Божьимъ даромъ", и при общечеловѣческой слабости не цѣнить въ достаточной степени того, чего еще пока слишкомъ много. И самымъ страшнымъ опустошителемъ здѣшнихъ лѣсовъ, какъ извѣстно, является лѣсной пожаръ, часто возникающій отъ пусканія населеніемъ, такъ называемыхъ, „паловъ". И услѣдить за тѣмъ, кто пускаетъ эти „палы"—невозможно,—пускаетъ-ли ихъ крестьянинъ-старожилъ, не справившись съ „опалкой" облюбованнаго имъ и самовольно занятаго сѣнокоснаго мѣста; нарочно ли зажегъ траву и лѣсъ переселенецъ подтаежнаго участка, выведенный изъ терпѣнія несноснымъ сибирскимъ „гнусомъ" или изнемогающій въ непосильной борьбѣ съ угрюмой тайгой; зажгла-ли лѣсъ молнія, зажегъ-ли лѣсъ постепенно исчезающій типъ „бродяги", грѣвшій около подпаленной имъ снизу смолистой сосны или лиственницы свое измозжденное, худое, еле прикрытое и нестерпимо искусанное паразитами и гнусомъ тѣло; пустилъ ли палъ горе-охотникъ для своего удовольствія, или въ отместку кому-либо; наконецъ, пустили ли огонь по лѣсу просто „такъ себѣ" ходившіе за грибами или ягодами подростки,—неизвѣстно. Но какъ бы то ни было, а лѣса горятъ и притомъ горятъ исправно, каждый годъ. И если сравнить наносимый пожарами ущербъ съ тѣмъ „безпардоннымъ разговоромъ", о ко-

торомъ говоритъ г. Комаровъ, то послѣдній покажется невинной шуткой, ради которой право-же не стоило строить сколько нибудь серіозное обвиненіе ни переселенческаго управленія, ни даже мѣстнаго управленія государственными имуществами.

Вторымъ неопровержимымъ факторомъ сведенія лѣсовъ особенно высокихъ техническихъ качествъ въ средней части губерніи является вызванное государственной потребностью обслуживаніе строившейся Сибирской желѣзной дороги—вообще и казенныя лѣсныя заготовки, коими вѣдалъ г. Комаровъ, съ помощью чиновъ лѣсного вѣдомства—въ частности.

Третьимъ условнымъ факторомъ относительнаго уменьшенія сосновыхъ насажденій въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ является вполнѣ справедливое обезпеченіе старожильческаго населенія лѣсными надѣлами при окончательномъ землеустройствѣ, хотя въ эти лѣсные надѣлы особенно цѣнныхъ насажденій не включалось. И странно слышать отъ автора „Правды о переселенческомъ дѣлѣ“, рисующагося своимъ демократизмомъ и своей (едва-ли не сомнительной) „лѣвизной“, — о какомъ-то „разгромѣ“ лѣсныхъ богатствъ въ этомъ насущномъ вопросѣ, ибо кому-же, все таки, какъ не сибирякамъ—старожиламъ, говоря откровенно, мы обязаны относительнымъ сбереженіемъ тѣхъ цѣнныхъ лѣсовъ, изъ которыхъ были (слѣпо, безъ достаточной оцѣнки нуждъ мѣстнаго населенія) образованы лѣсные заказники, и изъ которыхъ ничтожная часть попала въ лѣсные надѣлы крестьянскимъ обществамъ при землеустройствѣ.

Наконецъ, четвертымъ, поддавшимся наблюденію факторомъ частичнаго уничтоженія лѣса является хищническая вырубка наиболѣе цѣнныхъ сосновыхъ насажденій тѣми переселенцами, которые частью легально (еще до учрежденія переселенческаго управленія), частью самовольно въ 1907—08 г.г. поселились при рѣкѣ Манѣ. Вотъ—единственный и то только ка-

жущійся поводъ упрекнуть переселенческое вѣдомство въ томъ, что оно не смогло остановить движеніе самовольцевъ или заблаговременно нарѣзать достаточное количество пригодныхъ для заселенія участковъ. Но вѣдь кому-же теперь неизвѣстно, что движеніе „самовольцевъ“ (въ особенности въ Томскую губернію) было явленіемъ почти стихійнымъ, трудно поддававшимся учету, и борьба съ этимъ движеніемъ насильственными мѣрами была бы въ то время небезопасною. Наряду съ „самовольцами“ въ 1906, 1907 и 1908 гг. шла въ Сибирь и самая высокая волна переселенцевъ-ходаковъ, предъявлявшихъ столь огромный спросъ на удобныя и малоудобныя земли вдоль линіи желѣзной дороги, что удовлетворить этотъ спросъ, при недостаточности техническихъ силъ землеотводныхъ партій, было безусловно трудно рѣшимой задачей; и если тѣмъ не менѣе съ этой задачей, повидимому, вполнѣ удовлетворительно справилось переселенческое управленіе, и дѣло обошлось безъ какихъ-либо замѣтныхъ эксцессовъ, то только благодаря невѣроятному напряженію всѣхъ силъ и рессурсовъ мѣстныхъ организацій, а также находчивости и изобрѣтательности землеустроительныхъ чиновъ. Чтобы не дать повода къ огульнымъ нареканіямъ и жалобамъ на чиновъ переселенческаго вѣдомства въ медленности заготовки переселенческихъ участковъ; чтобы избѣжать возможной въ то время земельной анархіи и острыхъ столкновеній переселенцевъ съ крестьянами-старожилами, а также, чтобы избѣжать чрезмѣрнаго скопленія переселенцевъ, претендовавшихъ на какую-либо одну и туже мѣстность,--приходилось (до 1908 года) производителямъ работъ за своею отвѣтственностью проектировать участки не только до составленія плановъ и до окончанія съемки земель, но даже вносить на разсмотрѣніе временныхъ комиссій проекты и совсѣмъ безъ съемки, которую производили уже на слѣдующій годъ, а переселенцевъ часто приходилось зачислять

условно на необразованные еще участки. Правда, при такой, недопустимой въ другое время, поспѣшности колонизаціонныхъ работъ, не обошлось, конечно, безъ болѣе или менѣе чувствительныхъ погрѣшностей какъ въ техническомъ, такъ, землеустроительномъ отношеніяхъ, (впрочемъ, впослѣдствіе устраненныхъ), но вѣдь, съ другой стороны, было-бы страннымъ и наводящимъ на невыгодныя сомнѣнія явленіемъ, если-бы все обстояло благополучно и никакихъ ошибокъ и дефектовъ въ работахъ обнаружено бы не было.

И вотъ, когда удобныхъ для заселенія казенно-свободныхъ земель оказалось для предъявленнаго переселенцами спроса недостаточно, а старожилы принимали въ свою среду на излишнія земли только болѣе или менѣе состоятельныхъ переселенцевъ, то въ силу очевидной и неизбѣжной необходимости, пришлось обратиться и къ казеннымъ лѣснымъ дачамъ при содѣйствіи чиновъ лѣсного вѣдомства. При этомъ надо имѣть въ виду, что само лѣсное вѣдомство, къ которому принадлежалъ и авторъ разбираемой книги, какъ уже было сказано выше, при образованіи лѣсныхъ дачъ почти не считалось съ интересами старожиловъ, захватывая въ нихъ иногда даже постоянныя угодія послѣднихъ, и совершенно не принимало въ расчетъ назрѣвшія уже и тогда нужды колонизаціи; поэтому въ казенныя лѣсныя дачи и заказники, наряду съ дѣйствительно цѣнными насажденіями, включались сплошь и рядомъ не только малоцѣнныя рѣдколѣсья съ хорошимъ травянымъ покровомъ, но и прямо степныя и „еланныя" площади.

Чтобы не быть голословнымъ, я позволю себѣ привести нѣсколько цифровыхъ данныхъ о лѣсныхъ дачахъ въ наиболѣе затронутыхъ колонизаціей уѣздахъ—Ачинскомъ, Красноярскомъ и Канскомъ, по свѣдѣніямъ 1907 года мѣстнаго Управленія государственными имуществами.

Въ Ачинскомъ уѣздѣ было въ то время образо-

вано 9 каз. лѣсныхъ дачъ, изъ которыхъ 3 были устроены, 2 устроены отчасти и 4 дачи не устроены. Общая площадь этихъ дачъ равна—411070 дес., изъ которыхъ собственно лѣсныхъ площадей 383541 дес, а не лѣсныхъ, слѣдовательно,—27529 дес.

По Красноярскому уѣзду всѣхъ лѣсныхъ дачъ числилось 9, изъ нихъ устроенныхъ 1, остальныя не устроены. Общая площадь этихъ дачъ—694956 десятинъ, изъ которыхъ собственно лѣсной—640245 дес. и не лѣсной—54711 десятинъ.

Въ Канскомъ уѣздѣ всѣхъ лѣсныхъ дачъ и заказниковъ было 15, изъ которыхъ ни одна еще окончательно устроена не была. Общая площадь этихъ дачъ исчислена въ 993535 дес., въ томъ числѣ собственно лѣсовъ—899395 дес., слѣдовательно, не лѣсныхъ площадей—94140 десятинъ.

Итого въ трехъ уѣздахъ нелѣсныхъ площадей числилось въ казен. лѣсн. дачахъ—176380 д.; но къ этой площади мы смѣло можемъ прибавить минимумъ столько-же десятинъ лиственныхъ насажденій, земля изъ подъ которыхъ сравнительно легко можетъ быть обращена въ сельско-хозяйственныя культурныя угодія.

Удержать только что названныя удобныя для заселенія площади въ границахъ лѣсныхъ дачъ для лѣсного вѣдомства вообще представлялось дѣломъ труднымъ, неблагодарнымъ и ненужнымъ, а по условіямъ тогдашняго времени—и совсѣмъ невозможнымъ, несмотря ни на какія сугубо отрицательныя „заключенія" гг. лѣсныхъ ревизоровъ, въ родѣ г. Комарова. И дѣствительно: напоръ переселенцевъ на лѣсныя дачи былъ настолько силенъ, что противостоять ему не была въ силахъ никакая мѣстная „лѣсная" политика и никакая обструкція здѣшнихъ „древопоклонниковъ".

Уже въ началѣ 1907 года вполнѣ опредѣленно выяснилось, что въ переселенческой политикѣ, въ силу неотвратимой необходимости, долженъ наступить

рѣзкій переломъ, причемъ развитіе землеотводныхъ работъ неминуемо должно быть направлено, съ одной стороны, въ болѣе сѣверые таежные районы, а съ другой—въ недосягаемыя почти до того времени казенныя лѣсныя дачи и заказники, ревниво охраняемые чинами мѣстнаго лѣсного вѣдомства. Но подъ страхомъ возможнаго въ слѣдующемъ году человѣческаго „затора" и въ виду достаточно опредѣлившагося къ тому времени благожелательнаго отношенія правящихъ сферъ къ возрастающему все болѣе и болѣе свободному переселенію за Уралъ, мѣстному управленію государственными имуществами ничего не оставалось, какъ, сохранивши насколько позволяли обстоятельства свое «лицо", начать постепенно уступать грозному требованію жизни и, такъ сказать, „распочать" свои лѣсныя сокровища. Притомъ-же „самовольными" изслѣдованіями производителей работъ въ 1906 году въ Агульской, Рѣшотской и Тинской казенныхъ лѣсныхъ дачахъ была обнаружена наличность значительныхъ по своимъ размѣрамъ площадей такихъ земель, которыя немедленно и съ успѣхомъ могли быть использованы для колонизаціи.

И вотъ, въ „запискѣ" къ плану землеотводныхъ работъ на 1907 годъ, (одобренному какъ мѣстнымъ Управленіемъ государственными имуществами, такъ равно и центральною властью), мы читаемъ:

„Дѣятельность 6-ти производителей работъ выразится, помимо руководства работами межевыхъ чиновъ, въ слѣдующемъ:

1) Подробное изслѣдованіе Кетскаго таежнаго района;

2) подробный осмотръ *Кемчугской лѣсной дачи* и проектированіе въ ней участковъ;

3) проектированіе участковъ въ Зачулымскомъ таежномъ районѣ;

4) дополнительное изслѣдованіе Улуе-Кемчугскаго таежнаго района;

5) дополнительное изслѣдованіе Мало-Кемчугскаго таежнаго района;

6) подробное изслѣдованіе совмѣстно съ лѣснымъ чиномъ *Канской и Пойменской лѣсныхъ дачъ;*

7) вторичное изслѣдованіе совмѣстно съ лѣснымъ чиномъ *Тинской и Рѣшотской лѣсныхъ дачъ;*

8) дополнительное изслѣдованіе Онского таежнаго района;

9) подробное изслѣдованіе Почето-Усольскаго таежнаго района;

10) подробное изслѣдованіе восточной части Кано-Агульскаго таежнаго района;

11) рекогносцировка западной части Кано-Агульскаго района;

12) вторичное изслѣдованіе совмѣстно съ лѣснымъ чиномъ *Агульской казенной лѣсной дачи*, входящей въ составъ Кано-Агульскаго таежнаго района.

Ужъ изъ этого перечня можно видѣть, что лѣсное вѣдомство сознало безнадежность своей прежней позиціи, недопускающей и нетерпящей никакого поползновенія въ сторону какихъ либо изъятій изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ. При этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, гг лѣсные ревизоры по пути неизбѣжныхъ „уступокъ" шли почти во всѣхъ случаяхъ дальше лѣсничихъ, непосредственно заинтересованныхъ въ неприкосновенности лѣсныхъ дачъ. Такъ, напримѣръ, по вопросу объ изъятіи удобной для заселенія площади изъ Пойменской каз. лѣсн. дачи, (какъ видно изъ рапорта завѣдывающаго Енисейской землеотводной партіи князя Хованскаго, отъ 9 февраля 1907 г., за № 1), лѣсничій Потаповъ высказался за возможность уступки подъ колонизацію *только 1000 десятинъ, ревизоръ лѣсоустройства Разночинцевъ—5000 дес., лѣсной-же ревизоръ Комаровъ—6000 десятинъ;* изъ чего, кстати сказать, можно усмотрѣть, что почтенный авторъ „Правды о переселенческомъ дѣлѣ" совсѣмъ не былъ такимъ непримиримымъ противникомъ начавшагося

съ 1907 года „разгрома" лѣсныхъ дачъ, какимъ онъ можетъ показаться довѣрчивому читателю теперь со страницъ его „Правды". Въ томъ же рапортѣ относительно лѣсныхъ дачъ мы находимъ такое мѣсто:

„Рано или поздно сама жизнь заставитъ лѣсное вѣдомство примириться съ распаденіемъ громадныхъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ и заказниковъ на отдѣльныя, сравнительно небольшія дачи, окруженныя со всѣхъ сторонъ населенными землями; конечно, при этомъ придется значительно усилить охрану дачъ, но за то явится возможность веденія правильнаго лѣсного хозяйства и прибыльной эксплоатаціи".

Насколько только что приведенныя ожиданія оправдаются въ будущемъ,—неизвѣстно, но уже того корректива, который успѣла внести жизнь въ недальновидную „лѣсную" политику на мѣстахъ, достаточно для сужденія о той близорукой оппозиціи ради оппозиціи, которую заняли мѣстные дѣятели лѣсного вѣдомства по отношенію чиновъ переселенческой организаціи; и только подъ напоромъ живой и бѣшено скачущей дѣйствительности, въ концѣ концовъ, со стороны мѣстнаго Управленія государственными имуществами была сдѣлана одна существенная уступка, заключавшаяся въ томъ, что оно согласилось во многихъ дачахъ поставить *обслѣдованіе* черезъ производителей работъ, совмѣстно съ представителями лѣсного вѣдомства и даже выразило *согласіе на образованіе* переселенческихъ участковъ въ такихъ лѣсныхъ дачахъ, въ которыхъ цѣнныя насажденія давно были истреблены и охранять въ нихъ было нечего.

Такъ, напримѣръ, въ отношеніи бывшаго управляющаго государственными имуществами І. К. Окулича отъ 17 іюня 1907 г., за № 4558, говорится:

„Препровождая при семъ списокъ дачъ и иныхъ лѣсныхъ пространствъ Енисейской губерніи, *въ коихъ возможно не только изслѣдованіе, но послѣ запроектированія участковъ* на планѣ и совмѣстнаго или отдѣльна-

го осмотра изслѣдованныхъ пространствъ производителемъ работъ съ назначеннымъ Управленіемъ государственными имуществами представителемъ лѣсного вѣдомства.—*также и образованіе переселенческихъ участковъ*, Управленіе имѣетъ честь сообщить, что по отношенію къ остальнымъ лѣснымъ пространствамъ губерніи оно, къ сожалѣнію, не можетъ такъ категорически высказаться, какъ дѣлаетъ это въ данномъ случаѣ, хотя здѣсь вопросъ и касается нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ Причиною вышеизложеннаго является, во-первыхъ, то, что въ настоящеее время въ нѣкоторые районы уже отправлены изслѣдователи и, слѣдовательно, перечисленіе такихъ районовъ представляется излишнимъ, а во вторыхъ, въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ дачахъ въ 1905 и 1906 гг. уже образовано весьма значительное количество переселенческихъ участковъ, о площади и конфигураціи коихъ Управленіе не можетъ знать и до сего времени, а потому рискуетъ помѣстить въ нижеприведенный списокъ наряду съ другими и такія дачи, которыя уже использованы быть можетъ полностью»... и т. д.

А вотъ и „списокъ дачъ и иныхъ лѣсныхъ пространствъ, *подлежащихъ изслѣдованію* чиновъ переселенческой партіи въ цѣляхъ образованія, по соглашенію съ представителями лѣсного вѣдомства, въ нихъ переселенческихъ участковъ въ 1908 году“:

1) Кемчугская дача; *)

2) Мало-Кемчугскій таежный районъ;

3) Районъ вольной колонизаціи на сѣверъ отъ Улуе Кемчугскаго таежнаго района;

4) Іюсо-Урюпскій заказникъ (сѣверная часть);

5) Кетскій таежный районъ;

6) Канскій заказникъ; **)

---

*) Наполовину своей площади заключаетъ густой и рѣдкій лиственный лѣсъ.

**) Самыя лучшія и ближайшія къ жел. дорогѣ части были самовольно захвачены латышами.

7) Пойменская лѣсная дача (до 1200 дес. подъ участокъ);

8) Комаровскій заказникъ; *)

9) Усть-Баргинскій заказникъ; **)

10) Районъ вольной колонизаціи между Агульскимъ и Тагульскимъ заказниками;

11) Семь дачъ Онского района;

12) Районъ вольной колонизаціи между западнымъ и восточнымъ отрѣзами изслѣдованныхъ частей Онского района.

Затѣмъ особымъ письмомъ отъ 17 октября 1907 года бывшій Управляющій государственными имуществами І. К. Окуличъ, на имя Завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ, увѣдомилъ о желательности включенія въ тотъ же планъ работъ *изслѣдованія* пяти лѣсныхъ дачъ—площадью въ 628355 дес.—въ лѣсничествахъ: Подсосенскомъ, Даурскомъ, Красноярскомъ и Енисейскомъ, а также о желательности *подробной съемки* въ 7 мѣстахъ—площадью около 177000 дес.

Въ отношеніи всѣхъ тѣхъ площадей, кои предлагались для обслѣдованія, лѣсное вѣдомство, впрочемъ, не только ничего не теряло, но наоборотъ—много выигрывало. Ничего оно не теряло и предложеніемъ для подробной съемки 7-ми площадей въ 177000 дес., ибо эти площади, за исключеніемъ 15—20-ти тысячъ дес., находились за границами лѣсныхъ дачъ, въ казенно-свободныхъ пространствахъ.

Что же касается землеотводной партіи, то она, зная слабыя стороны защитниковъ неприкосновенности лѣсныхъ дачъ, продолжала настаивать на своихъ вполнѣ основательныхъ притязаніяхъ.

---

*) Совершенно безнадежный для колонизаціи, за исключеніемъ ничтожной части на сѣверѣ.

**) Цѣнный лѣсъ весь самовольно вырубленъ окрестнымъ населеніемъ и почти вся площадь занята самовольнымъ пользованіемъ крестьянъ и переселенцевъ д. Ильинки (Барги).

Вотъ что говорится, между прочимъ, въ „Краткой объяснительной запискѣ къ плану работъ по Енисейской губерніи на 1908 г.“:

„... Есть полное основаніе предполагать, что весьма солидный запасъ земель таится въ дачахъ фактическаго землепользованія крестьянъ-старожиловъ въ Канскомъ и Ачинскомъ уѣздахъ, но избытокъ земель въ этихъ дачахъ будетъ окончательно и вполнѣ опредѣленно установленъ не ранѣе завершенія работъ по землеустройству коренного сибирскаго населенія. Несомнѣнно также, что громадныя еще площади удобныхъ для колонизаціи земель находятся и въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ Енисейской и Иркутской губерній,—о чемъ отчасти можно судить по тѣмъ уступкамъ, какія сдѣланы лѣснымъ вѣдомствомъ Енисейской губерніи для развитія переселенческаго дѣла... (далѣе перечислены вышеприведенныя цифровыя данныя). Уже однѣ эти данныя, не вдаваясь въ область возможныхъ предположеній, довольно краснорѣчиво убѣждаютъ въ томъ, что о полномъ изсяканіи колонизаціоннаго фонда въ Енисейской губерніи не можетъ быть и рѣчи. Безспорно, конечно, что за предѣлами казенныхъ лѣсныхъ дачъ подъ переселенческіе участки главная масса казенно-свободныхъ, легкихъ для разработки лѣсо-земельныхъ угодій взята и использована, какъ равно использованы площади очевиднаго безспорнаго многоземелья старожильческаго населенія, но также безспорно и то, что въ колоссальныхъ по своимъ размѣрамъ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ Енисейской и Иркутской губерній, среди цѣнныхъ строевыхъ насажденій, находятся громадныя площади болѣе или менѣе рѣдкаго лиственнаго и мѣшанаго лѣса, которыя безусловно можно взять подъ переселенческіе участки, такъ какъ эти площади, не составляя водоохранныхъ и защитныхъ насажденій и не принося, въ смыслѣ эксплоатаціи, никакой прибыли, въ то-же время представляются весьма цѣнными для

переселенческаго дѣла и притомъ въ двоякомъ значеніи: во 1-хъ, эти площади сами по себѣ дадутъ громадный запасъ колонизаціоннаго земельнаго фонда, способнаго принять на себя многіе десятки тысячъ особенно нуждающихся переселенцевъ, а во 2 хъ, тѣже площади дадутъ возможность не торопиться съ образованіемъ новыхъ переселенческихъ участковъ около неустроеннаго еще землепользованія старожиловъ и тѣмъ открыть большую перспективу цѣлесообразнымъ и планомѣрнымъ дѣйствіямъ впослѣдствіи, когда землеустроительныя работы выяснятъ несомнѣнный избытокъ земель въ дачахъ коренного населенія".

Планъ землеотводныхъ работъ на 1908 годъ былъ детально разсмотрѣнъ 20 октября 1907 года особымъ совѣщаніемъ подъ предсѣдательствомъ Управляющаго государственными имуществами Енисейской губерніи І. К. Окулича и при участіи членовъ этого совѣщанія: старшаго чиновника по выдачѣ отводныхъ записей въ Енисейской губерніи В. Ю. Григорьева, чиновника особыхъ порученій переселенческаго управленія, завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ въ Енисейско-Иркутскомъ районѣ Н. Н. Сергѣева, помощника управляющаго государственными имуществами Енисейской губерніи В. Т. Волкова, помощника завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ А. П. Никонова, завѣдывающаго землеотводными работами князя Н. А. Хованскаго, производителей работъ землеотводной партіи Н. Н. Волкова, И К. Ковригина, Г. П. Сибирцева и М. Л. Шера, лѣсного ревизора А. И. Комарова, Канскаго лѣсничаго И. Я. Потапова и Манскаго лѣсничаго И. М. Мальфина.

Выслушавъ доложенный планъ полевыхъ работъ, совѣщаніе единогласно признало, что приведеніе въ исполненіе включенныхъ въ него работъ съ вытекающими изъ нихъ предположеніями съ формальной стороны существенныхъ возраженій не встрѣчаетъ. Од-

нако и на этомъ совѣщанiи отрицательное отношенiе лѣсного вѣдомства къ переселенческимъ работамъ въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ сквозило въ нѣкоторыхъ замѣчанiяхъ I. К. Окулича. Такъ, напримѣръ, когда началось обсужденiе плана работъ въ части касающейся лѣсныхъ дачъ и кто-то изъ членовъ совѣщанiя высказалъ мысль о желательности возможно полнаго и тщательнаго изученiя всѣхъ вообще казенныхъ лѣсныхъ дачъ и заказниковъ въ цѣляхъ изъятiя изъ нихъ всѣхъ непосредственно пригодныхъ для колонизацiи земель,—I. К. Окуличъ съ иронiей замѣтилъ:

— Но, позвольте, какъ ни желательно возможно больше нарѣзать хорошихъ участковъ, но, съ другой стороны, если пустить чиновъ переселенческой партiи хозяйничать во-всю въ лѣсныхъ дачахъ и заказникахъ, то весьма вѣроятно намъ придется отказаться отъ завѣдыванiя государственными имуществами и просто закрыть лавочку...

На это В. Ю. Григорьевъ весьма резонно сказалъ:

— Если стать на только что высказанную точку зрѣнiя, то можно заподозрить чиновъ переселенческой организацiи въ томъ, что они сознательно стремятся къ разгрому лѣсныхъ дачъ ради колонизацiи... Но гдѣ-же для такого печальнаго предположенiя реальныя основанiя? Мнѣ кажется, что при условiяхъ даннаго момента для насъ нѣтъ иного выхода, какъ твердо стать на намѣченный самой жизнью путь; причемъ я полагаю, что предъявляемыя къ переселенческой организацiи требованiя со стороны центральной власти являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязательными и для лѣсного вѣдомства. И если высказанное Iосифомъ Константиновичемъ предостереженiе не есть просто фигуральное выраженiе, на что, казалось-бы, и мы могли отвѣтить тѣмъ-же, но вѣдь это были-бы только одни слова, ни для кого необязательныя и никого неубѣждающiя. А между тѣмъ, текущая дѣйствительность

преподноситъ намъ такія задачи, отъ которыхъ ни коимъ образомъ отмахнуться нельзя и volens—nolens намъ предстоитъ совмѣстное сотрудничество и необходимость оказанія взаимнаго содѣйствія...

Послѣ этихъ словъ къ вопросу объ изъятіяхъ изъ лѣсныхъ дачъ уже больше не возвращались и разсмотрѣніе совѣщаніемъ плана работъ было скоро закончено.

И такъ, не смотря на недружелюбное, чтобы не-скать болѣе, отношеніе къ работамъ по образованію переселенческихъ участковъ въ предѣлахъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ и заказниковъ со стороны мѣстныхъ чиновъ лѣсного вѣдомства, тѣмъ не менѣе переселенческой организаціи удалось доказать необходимость обслѣдованія этихъ дачъ въ цѣляхъ выдѣленія изъ нихъ пригодныхъ для колонизаціи площадей. И на первый разъ этого было вполнѣ достаточно

Обслѣдованіе же казенныхь лѣсныхъ дачъ, произведенное въ 1908 году производителями работъ Енисейской землеотводной партіи вполнѣ опредѣленно оправдали тѣ ожиданія, какія были высказаны выше и доказали и выяснили: въ 1-хъ, *что въ названныхъ дачахъ имѣется значительный запасъ непосредственно удобныхъ для заселенія площадей;*

во 2-хъ. еще большій запасъ заключается въ нихъ условно пригодныхъ для колонизаціи земель;

въ 3-хъ, что многія лѣсныя дачи и заказники совершенно обезцѣнены сплошною и выборочною вырубкой строевого лѣса.

Чтобы опять таки не быть голословнымъ, я позволю себѣ сдѣлать небольшія, но весьма интересныя выписки изъ нѣкоторыхъ проектовъ по образованію участковъ въ 1909 году, и еще для большей безпристрастности беру проекты не производителя работъ переселенческаго управленія, а Манскаго лѣсничаго Мальфина, образовавшаго въ своемъ лѣсничествѣ въ

Красноярскомъ уѣздѣ, въ Базайской и Манской казенныхъ лѣсныхъ дачахъ болѣе 30 участковъ.

Вотъ что онъ пишетъ о площади, вошедшей въ участки Кизынжулъ, Вершинный и др.

„Означенные участки запроектированы изъ земель Базайской казенной дачи и занимаютъ площадь 8372 десят.

„Образованіе переселенческихъ участковъ изъ означенной площади намѣчено *наиболѣе заинтересованной стороной въ этомъ дѣлѣ, т. е. самими переселенцами,* *) которые въ 1908 году частью самовольно захватили (восточную часть), а часть только намѣтили къ захвату (западную часть площади), *разбивъ своими помѣтками всю площадь на хуторскіе отруба.*

„Среди переселенцевъ, по разсказамъ самовольныхъ засельщиковъ, проектируемые теперь участки, подъ общимъ названіемъ: „Березовый", получили широкую извѣстность даже за предѣлами Енисейской губерніи и стянули къ себѣ недовольныхъ своими участками изъ Красноярскаго, Ачинскаго, Канскаго уѣздовъ и частью изъ Томской губерніи. *Манило сюда переселенцевъ*, по ихъ разсказамъ, *близость желѣзной дороги, сравнительная близость г. Красноярска и легкость разработки участковъ;* эти условія они учитывали очень высоко, въ силу чего даже совершенно игнорировали такой вопросъ, какъ обводненность участковъ, (такъ въ образованныхъ ранѣе сосѣднихъ участкахъ—Самовольномъ, Мишкинѣ и Шахматовомъ—обводненность слабая, а желающихъ занять ихъ оказалось свыше мѣры).

„Почва сѣрая лѣсная; мѣстами въ подпочвѣ встрѣчается камень, но это обстоятельство ничуть не смущало самовольныхъ засельщиковъ.

„Юго-восточная часть площади занята лиственными насажденіями и имѣетъ болѣе открытый харак-

---

*) Курсивъ мой. И. К.

теръ, сѣверо-западная—занята сосновыми насажденіями и носитъ характеръ болѣе лѣсной, но все-же съ достаточнымъ количествомъ открытыхъ и полуоткрытыхъ мѣстъ. Покровъ вездѣ травянистый съ хорошимъ ростомъ обыкновенныхъ лѣсныхъ травъ. Естественные луга по долинамъ рѣчекъ и лѣснымъ полянамъ расположены болѣе или менѣе равномѣрно по всей площади и на первое время удовлетворяютъ требованію переселенцевъ, - въ дальнѣйшемъ-же легко могутъ быть увеличены за счетъ лѣсныхъ угодій. Въ общемъ открытыхъ и полуоткрытыхъ мѣстъ. (изрѣженныхъ лѣсонасажденій) насчитывается до 2811 десят., или 33 проц., почему розработка подъ сельско-хозяйственныя угодья не представляется особено трудной"...

Въ только что приведенной выпискѣ все интересно, все характерно и даже симптоматично...

Интересно уже по одному тому, что вышеприведенная выписка изъ „проекта" почти цѣликомъ отвѣчаетъ на затронутую г. Комаровымъ тему: кто собственно, почему и въ какой степени способствовалъ „разгрому", будто-бы, „цѣнныхъ" казенныхъ лѣсныхъ дачъ. *Характерно* потому, что авторъ „проекта"—одинъ изъ представителей лѣсного вѣдомства,--считая „наиболѣе заинтересованной стороной въ этомъ дѣлѣ" самихъ переселенцевъ и указывая на причины захвата ими одной изъ ближайшихъ къ г. Красноярску и желѣзной дорогѣ казенной дачи, даетъ такую яркую характеристику включенныхъ въ запроектированные имъ самимъ переселенческіе участки земель, которая у внимательнаго читателя не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ правотѣ всего вышесказаннаго мною о лѣсныхъ дачахъ и невозможности уберечь тѣ ихъ части, которыя, не имѣя на себѣ цѣнныхъ лѣсонасажденій, безусловно пригодны для цѣлей колонизаціи; наконецъ, *симптоматичнымъ* въ томъ-же „проектѣ" является этотъ безотрадный, стихійный самовольный захватъ подгородной хорошо охраняемой казенной *лѣсной*

дачи,—захватъ, объ юридическомъ безсилiи и безполезности борьбы съ которымъ не можетъ быть двухъ мнѣнiй, и авторъ „проекта", скромно умалчивая объ этомъ, констатировалъ его лишь какъ совершившiйся фактъ. Этому прочному „самовольному захвату" не страшна никакая власть, кромѣ власти столь-же грозной открытой вооруженной силы, и тому, кто лично знакомъ съ безудержностью этого „захвата", какимъ жалкимъ, робкимъ и дѣтскимъ лепетомъ покажутся всѣ трафаретныя филиппики какого угодно „статскаго совѣтника и кавалера". Вѣдь стоитъ только вспомнить быстрый, удивившiй и заставшiй врасплохъ мѣстную власть захватъ Канской казенной лѣсной дачи (у самой желѣзной дороги) латышами, прямо заявившими, что они никуда съ захваченныхъ мѣстъ не уйдутъ и уступятъ только воинской силѣ.. Неужели этотъ примѣръ, при видѣ котораго самъ авторъ „Правды о переселенческомъ дѣлѣ" сыгралъ роль страуса въ опасномъ положенiи, не могъ его научить сознавать дѣйствительную правду отъ вымышленной или черезчуръ вспѣненной привычной страстишкой къ блудословiю...

О другой мѣстности площадью въ 4202 десят., изъ которой образованы переселенческiе участки—Мишкинъ, Шахматовъ и др.—Манскiй лѣсничiй въ своемъ проектѣ пишетъ:

„Южная (меньшая) часть занята болѣе сомкнутыми лѣсонасажденiями съ преобладанiемъ сосны и вполнѣ пригодна для лѣсныхъ надѣловъ; сѣверная-же часть занята изрѣженными мѣшаными лѣсами съ значительнымъ количествомъ полянъ, а потому *давно привлекала переселенцевъ, которые неоднократно возбуждали ходатайства о предоставленiи ея подъ колонизацiю*"...

О третьей мѣстности, площадью въ 4506 десятинъ (участки Заузень, Давыдовъ-Логъ и др.), читаемъ:

„Площадь покрыта по преимуществу молодымъ (возрастъ до 15 лѣтъ) лиственнымъ и мѣшанымъ лѣ-

сомъ. Благодаря молодости *лѣсонасажденій, разработка ихъ подъ культурныя площади не представляетъ никакой трудности*, а потому при незначительномъ сравнительно процентѣ совершенно открытыхъ мѣстъ, площадь эта, полагаю, быстрѣе будетъ расчищена, чѣмъ въ изрѣженныхъ лѣсныхъ насажденіяхъ"...

Я полагаю, что въ дальнѣйшихъ выпискахъ изъ проектовъ Манскаго лѣсничаго нѣтъ надобности, ибо долго отстаиваемая лѣснымъ вѣдомствомъ идея неприкосновенности для колонизаціи казенныхъ лѣсныхъ дачъ было блестяще посрамлена не только производителями работъ землеотводной партіи, образовавшими въ предѣлахъ этихъ дачъ около 200 участковъ хорошаго качества, но и однимъ лѣснымъ чиномъ, лицомъ къ лицу столкнувшимся съ переселенцами.

Вчитываясь въ „пректы" г. Мальфина, невольно хочется сказать, что это—не проекты, а что-то вродѣ исповѣди одного изъ близко стоящихъ къ дѣлу представителей лѣсного вѣдомства, нашедшаго въ себѣ гражданское мужество сказать доподлинную неприкрашенную правду, съ одной стороны, объ опекаемыхъ этимъ вѣдомствомъ громадныхъ, на скоро образованныхъ, будто-бы, сплошь „лѣсныхъ" дачахъ, а съ другой—о безнадежности удержать въ неприкосновенности такія лѣсныя дачи, въ которыхъ „33 проц. открытыхъ и полуоткрытыхъ мѣстъ", и о тщетѣ въ этомъ случаѣ борьбы съ „самовольными" переселенцами, которые, подобно мучителямъ майнцкаго архіепископа Гаттона, стихійно появляются то тамъ, то здѣсь, не считаясь ни съ какими бумажными запрещеніями, написанными по инициативѣ и „заключеніямъ" слишкомъ увлекавшихся мѣстныхъ „древопоклонниковъ".

V.

Насколько эти увлеченія гг. лѣсныхъ ревизоровъ бывали значительными и способными осложнить хорошо налаженныя работы ни въ чемъ неповинныхъ чи-

новъ другого вѣдомства (хотя и одного министерства), по поводу этого я позволю себѣ разсказать два извѣстныхъ мнѣ случая.

Первый случай имѣлъ мѣсто въ Казачинской волости, Енисейскаго уѣзда, гдѣ я въ 1908 году проектировалъ переселенческіе участки по правому побережью р. Енисея частью изъ казенно-свободныхъ земель, частью изъ земель совмѣстнаго пользованія казны и крестьянъ старожиловъ и частью, быть можетъ, изъ лѣсныхъ заказниковъ..

— Какъ это—„быть можетъ"? спросить немного удивленный читатель: не знать производителю работъ изъ какихъ именно земель образованы имъ участки, это, знаете, что-то „того"...

— Представьте, уважаемый читатель: ни тогда, ни теперь въ точности не зналъ, не могъ узнать, да вѣроятно и никогда не узнаю этой, казалось-бы, простой и притомъ обязательной въ данномъ случаѣ справки о томъ, замежевана-ли или нѣтъ въ запроектированные мною участки „Широковской", „Шилкинской" и другихъ группъ какая либо часть находящихся по сосѣдству заказниковъ: Шилкинскаго, Пискуновскаго и Дементьевскаго...

Дѣло въ слѣдующемъ. Одному изъ лѣсныхъ ревизоровъ въ концѣ прошлаго столѣтія дано было порученіе произвести обслѣдованіе праваго пебережья рѣки Енисея, выяснить наличность и приблизительный размѣръ площади цѣнныхъ сосновыхъ насажденій и запроектировать цѣлый рядъ заказниковъ. Догадливый ревизоръ сѣлъ въ Красноярскѣ на пароходъ и поплылъ внизъ по Енисею образовывать заказники. Доплывъ до д. Симоновщины, пораспросилъ кой-кого о соснѣ на правомъ побережьѣ р. Енисея, по обѣ стороны рч. Посольной, и... получился „Посольненскій" заказникъ—столько-то верстъ ширины и столько длины. Поплылъ дальше. Доплылъ до д. Заливской, пораспросилъ кое кого о соснѣ все на томъ-же правомъ

берегу Енисея и... получился „Заливскій“ заказникъ— столько-то верстъ длины и столько-то ширины. Поплылъ еще дальше. Доплылъ до д. Галаниной и... какъ со сковороды блинъ, то-бишь, съ парохода—получился „Шилкинскій“ заказникъ по обѣ стороны рч. Шилки—столько-то ширины и длины. Плыветъ еще дальше и доплываетъ до д. Момотовой, гдѣ тѣмъ-же манеромъ образовалъ сразу два заказника—Пискуновскій на правомъ берегу Енисея—столько-то длины и ширины и Дементьевскій яйцеобразной фигурой по кл. Дементьеву—на востокъ отъ предыдущаго. Поплылъ дальше и тѣмъ-же порядкомъ образовалъ еще много заказниковъ, но мы съ нимъ дальше не поплывемъ и остановимся около послѣднихъ трехъ.

Понятно, какіе-бы то ни были, а все же заказники: составлена и подписана ревизоромъ не то карта, не то планъ на нихъ, покрашены, какъ водится, сплошь сосной, границы показаны пунктиромъ и открашены особой краской,—ну, однимъ словомъ,—заказники, съ которыми какъ ни какъ, а надо считаться. Вотъ я и началъ считаться. Приглашаю Енисейскаго лѣсничаго Чижова для совмѣстнаго осмотра предположенныхъ мною для съемки площадей съ цѣлью образованія изъ нихъ переселенческихъ участковъ по смежеству съ лѣсными заказниками—Шилкинскимъ, Пискуновскимъ и Дементьевскимъ. Обѣщалъ пріѣхать, а затѣмъ и пріѣзжалъ въ мою дистанцію, но отъ совмѣстнаго осмотра запроектированныхъ мною площадей, за недосугомъ, уклонился, а поручилъ это сдѣлать своему помощнику—Яковлеву. Осматривалъ-ли послѣдній всѣ намѣченныя мною для съемки площади и что объ этомъ сообщилъ своему патрону я не знаю, но когда я осмотрѣлъ эти мѣстности, то увидѣлъ, что въ той полосѣ, гдѣ, по моимъ расчетамъ, должны быть границы заказниковъ и расти сплошь сосна,—ни границъ, ни сосны не было. Впрочемъ, о границахъ—то заказниковъ я и раньше зналъ, что ихъ въ натурѣ еще

никто не прокладывалъ (за исключеніемъ западныхъ границъ Бѣлокопытовской и Ангаро-Енисейской казенно-лѣсныхъ дачъ). И такъ какъ изъ Шилкинскаго заказника или по смежеству съ нимъ въ запроектированные мною участки вошла чистая старинная (около 100 лѣтъ) гарь изъ подъ кедроваго лѣса, а въ участки „Широковской" группы—изъ Пискуновскаго и Дементьевскаго заказника или по сосѣдству съ ними включенъ рѣдкій березовый лѣсъ и сѣнокосныя елани съ отдѣльными клочками пашенъ, то я былъ за свои участки спокоенъ, ибо полагалъ, что у меня съ лѣснымъ вѣдомствомъ никакихъ на этой почвѣ недоразумѣній не будетъ. И... ошибся.

Когда было созвано въ с. Казачинскомъ засѣданіе временной комиссіи и приступлено къ разсмотрѣнію моихъ проектовъ по образованію переселенческихъ участковъ „Широковской" и „Шилкинской" группъ, то присутствовавшій на засѣданіи Енисейскій лѣсничій Чижовъ сказалъ, что онъ не согласенъ на принятіе этихъ участковъ временной комиссіей, въ виду того, что между нимъ и мной не состоялось никакого соглашенія объ уступкѣ лѣснымъ вѣдомствомъ подъ заселеніе тѣхъ частей заказниковъ Шилкинскаго, Пискуновскаго и Дементьевскаго, которыя безъ его вѣдома замежеваны въ участки.

И какъ я ему ни доказывалъ, что онъ принципіально лично далъ мнѣ свое согласіе на образованіе въ данномъ мѣстѣ участковъ, лишь подъ условіемъ не включать въ нихъ сколько-нибудь значительнаго количества сплошныхъ сосновыхъ насажденій; что это условіе мною выдержано всюду; что я не вижу основаній тормозить землеотводныя работы только потому, что г. Чижовъ не могъ почему-либо или не хотѣлъ лично произвести одновременно со мною тщательный осмотръ предѣловъ отстаиваемыхъ имъ заказниковъ; что, по моимъ расчетамъ, я запроектировалъ участки внѣ границъ вышеназванныхъ заказниковъ и потому не ви-

дѣлъ никакой надобности въ спеціальномъ соглашеніи; что, наконецъ, актъ соглашенія въ столь безспорномъ случаѣ--пустая формальность и дѣло нѣсколькихъ минутъ и т. д. и тому подобное,—но... принципіальный (какъ потомъ оказалось) врагъ всякаго переселенія, г. Чижовъ, былъ не умолимъ, и категорически заявилъ, что онъ ни въ какія соглашенія объ уступкѣ подъ участки площадей изъ заказниковъ входить не станетъ, и если комиссія приметъ участки, то онъ останется при „особомъ мнѣніи"...

Остальные члены комиссіи, кажется, начинали уже терять терпѣніе и, будучи совершенно увѣрены въ правотѣ моихъ доказательствъ, стали одинъ за другимъ меня „поддерживать"... Но я всетаки не терялъ ни на минуту надежды сломить упорство „принципіальнаго врага переселенія", и, чувствуя за собой сильные кадры подкрѣпленій, съ новою силою аргументаціи безстрашно пошелъ въ атаку на стойкаго супостата. И... на этотъ разъ побѣда осталась за мною.

Зная, что самое слабое мѣсто у моего оппонента —это границы опекаемыхъ имъ изображенныхъ съ парохода заказниковъ, я сдѣлалъ такое предложеніе:

— Я полагаю, что въ видахъ совершеннаго безпристрастія и скорѣйшаго разрѣшенія возникшаго спорнаго вопроса, я не вижу, наконецъ, другого выхода, какъ въ слѣдующемъ: такъ какъ господину лѣсничему, вѣроятно, хорошо извѣстны (и должны быть извѣстны) границы остаиваемыхъ имъ трехъ заказниковъ, то пусть онъ приметъ на себя трудъ хотя грубо приблизительно карандашемъ намѣтить границы произведеннаго мною захвата вотъ на этомъ планѣ заказниковъ или—наоборотъ—вотъ на этой восьмиверстной подробной картѣ, гдѣ, какъ видите, точно по привязкѣ къ р. Енисею нанесены участки; или на этомъ общемъ планѣ участковъ показать границы самыхъ заказниковъ,—тогда, по крайней мѣрѣ, мы бу-

демъ знать въ какой-же степени и гдѣ именно нарушены интересы лѣсного вѣдомства...

Члены комиссіи будто этого предложенія только и ждали, и всѣ—предсѣдатель, крестьянскій начальникъ, исправникъ и даже окружный врачъ—(самый молчаливый членъ комиссіи)—горячо стали поддерживать мое предложеніе и просить „принципіальнаго врага переселенія"...

— Вотъ вамъ и карандашикъ!—галантно и съ тонкой улыбочкой предложилъ предсѣдатель.

Моментъ былъ замѣчательно эффектный...

Надо было видѣть въ это время бѣднаго упрямаго „древопоклонника"... Нетвердой рукой взялъ онъ отъ князя Хованскаго карандашъ, вертѣлъ, мялъ его дрожащими пальцами, но пустить въ дѣло не рѣшался...

А члены комиссіи одинъ за другимъ дѣлали свои замѣчанія:

— Вотъ и отлично, мы сейчасъ и узнаемъ, гдѣ отрѣзано отъ заказниковъ... не безъ ехидства сказалъ одинъ.

— Да, но вѣдь въ участки сосны-то не вошло, а въ заказникахъ показана сплошь сосна, говоритъ другой.

— Однако, какіе же все-таки это заказники безъ границъ... странно!.. произноситъ третій.

— Да, дѣйствительно, трудновато доказать, что столѣтняя чистая гарь попала въ заказникъ, задумчиво-разсудительно сомнѣвается четвертый.

И подобныя замѣчанія длились долго. Подъ вліяніемъ ли этихъ замѣчаній, или отъ сознанія собственнаго безсилія опредѣленно формулировать свои возраженія и съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія, лѣсничій, должно быть, сильно волновался; онъ упорно молчалъ, и казалось пожиралъ глазами любезно подвинутый ему ближе общій планъ участковъ, краснѣлъ, тяжело дышалъ и, повидимому, дѣлалъ надъ

собой чрезвычайныя усилія, чтобы что-то сказать, но... безуспѣшно.

Неизвѣстно долго-ли бы длилась эта пытка, еслибы я не сдѣлалъ новаго предложенія въ томъ смыслѣ, что такъ какъ господинъ лѣсничій, видимо, затрудняется указать границы сдѣланнаго, будто бы, моимъ проектомъ захвата части площади заказниковъ, то я самъ готовъ признать часть захвата: вотъ приблизительно въ этомъ мѣстѣ—(показывая карандашемъ), о чемъ и запрошу согласія Управленія государственными имуществами, приложивши къ запросу пояснительный чертежъ; или-же быть можетъ господинъ лѣсничій теперь же признаетъ возможнымъ подписать актъ соглашенія со мною, съ оговоркой о согласіи лишь въ томъ случаѣ, если этотъ актъ будетъ утвержденъ названнымъ управленіемъ.

Наконецъ то, это послѣднее предложеніе было г. Чижовымъ принято. Напряженное положеніе кончилось, всѣ вздохнули свободно.

Второй случай имѣлъ мѣсто въ Красноярскѣ въ 1909 году, и на этотъ разъ дѣйствующими лицами были—бывшій управляющій государственными имуществами Енисейской губерніи І. К. Окуличъ, самъ авторъ „Правды о переселенческомъ дѣлѣ“ и я.

Дѣло обстояло такъ.

Переселенцы-старообрядцы, выходцы изъ Пермской губерніи, въ числѣ 25 семействъ, въ 1908 году самовольно поселились въ Канскомъ уѣздѣ, на лѣвой сторонѣ рч. Большого-Курыша, на казенно-свободныхъ земляхъ, по смежеству съ Комаровскимъ заказникомъ. Немного спустя времени, эти переселенцы, чрезъ своего довѣреннаго Кондратія Гусева, особыми прошеніями обратились въ Управленіе государственными имуществами о разрѣшеніи поселиться на облюбованной ими мѣстности, а въ мѣстное районное управленіе—объ отводѣ имъ особаго участка. Первое управленіе извѣстило пермяковъ, что съ его стороны къ заселе-

нію ими избраннаго мѣста не встрѣчается препятствій, а второе обѣщало, при первой возможности, образовать тамъ переселенческій участокъ.

Хотя занятая пермяками площадь была и въ моемъ районѣ работъ, но такъ какъ въ 1908 году я велъ обширныя землеотводныя работы въ Енисейскомъ уѣздѣ, то въ томъ году не имѣлъ возможности осмотрѣть захваченную старообрядцами мѣстность и сдѣлалъ это уже въ 1909 году. Когда я пріѣхалъ къ пермякамъ, то оказалось, что они поселились въ подтаежномъ, лѣсномъ, малоудобномъ мѣстѣ, очень близко къ запасному участку Карнагульскому, въ расчетѣ занять и его или по крайней мѣрѣ получить часть его удобныхъ для пашни земель въ прирѣзъ къ своему участку, сѣнокосы-же они расчитывали получить изъ расположеннаго на правой сторонѣ Большого-Курыша противъ занятой ими мѣстности Комаровскаго заказника.

Убѣдившись въ томъ, что безъ соотвѣтствующихъ прирѣзокъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій жить хоть сколько нибудь сносно пермякамъ будетъ невозможно, я успокоилъ ихъ на счетъ возможныхъ прирѣзокъ къ ихъ участку, поручилъ топографу отграничить и заснять на планъ какъ занятую ими площадь, такъ равно и намѣченные прирѣзы къ ней, а самъ немедленно вошелъ въ сношеніе съ Канскимъ лѣсничимъ объ уступкѣ изъ Комаровскаго заказника необходимой для прирѣза сѣнокосной площади. Послѣ совмѣстнаго осмотра данной мѣстности, Канскій лѣсничій вполнѣ согласился на уступку запроектированнаго мною прирѣза изъ заказника, и 15 іюля былъ подписанъ актъ соглашенія и направленъ въ Управленіе государственными имуществами.

Но послѣ проѣзда черезъ занятую пермяками мѣстность лѣсного ревизора Комарова и осмотра имъ сѣверной части Комаровскаго заказника, запроектированной мною въ прирѣзъ ко вновь образуемому

Верхне-Курышинскому участку, Управленіе государственными имуществами, основываясь на отрицательномъ заключеніи г. Комарова о томъ, что въ указанной мѣстности растетъ сосна цѣнныхъ техническихъ качествъ,—увѣдомило завѣдывающаго переселеніемъ и землеустройствомъ о томъ, что испрашиваемая для включенія въ Верхне-Курышинскій переселенческій участокъ мѣстность не можетъ быть уступлена, какъ имѣющая серьезное значеніе для лѣсного хозяйства. Положеніе получилось для пермяковъ не изъ веселыхъ. А они успѣли къ тому времени выстроить уже порядочный по размѣрамъ и чистенькій поселокъ.

Сознавая пристрастное отношеніе къ данному дѣлу г. Комарова и неправильность его „заключенія", которымъ онъ ввелъ въ заблужденіе свое начальство, я, рискуя крупной непріятностью по службѣ, но чувствуя свою правоту, вопреки инструкціи, поручилъ топографу подробно заснять испрашиваемый изъ Комаровскаго заказника прирѣзъ и вычислить площадь вошедшихъ въ него угодій.

Когда я получилъ отъ топографа выкопировку съ плана этого прирѣза и сравнилъ его съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ на планѣ Комаровскаго заказника, то получилось весьма любопытное сравненіе, а именно: *на планѣ заказника, начиная отъ самой рч. Большого-Курыша значился сплошь сосновый лѣсъ* и подобный документъ, какъ нельзя болѣе, подкрѣплялъ и безъ того крѣпкое по своей категоричности «заключеніе" лѣсного ревизора Комарова.

Въ дѣйствительности же, по даннымъ подробной съемки, въ этой мѣстности подлѣ рч Большого-Курыша съ правой стороны идетъ топкое, почти чистое травянистое болото, ширина котораго доходитъ до 700 саж., а къ болоту примыкаютъ отличныя луговыя мѣста—чистыя и съ рѣдк. лиственичнымъ лѣсомъ. *Сосны-же* (съ примѣсью березы) въ прирѣзъ—площадью въ 982 дес.—*вошло лишь 44 десятины*

По возвращеніи съ работъ въ г. Красноярскъ, я, взявши планъ Верхне-Курышинскаго участка вмѣстѣ съ „самовольнымъ" прирѣзомъ изъ Комаровскаго заказника, пошелъ къ управляющему государственными имуществами І. К. Окуличу доказывать неосновательность отказа въ прирѣзѣ сѣнокосной площади къ участку тѣхъ переселенцевъ, которымъ само управленіе разрѣшило поселиться у самой границы Комаровскаго заказника, и безъ каковой прирѣзки они будутъ если не совершенно раззорены, то во всякомъ случаѣ поставлены въ тяжелое положеніе.

І. К. Окуличъ меня принялъ очень любезно и и весьма внимательно отнесся къ моему заявленію. Онъ немедленно-же вызвалъ въ свой кабинетъ г. Комарова и между нами произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Александръ Ивановичъ, обратился І. К. Окуличъ къ автору разсматриваемой нами книжки:—вотъ здѣсь Иванъ Кодратовичъ съ плановыми данными въ рукахъ относительно просимаго старовѣрами прирѣза изъ Комаровскаго заказника доказываетъ—и мнѣ кажется не безосновательно—несостоятельность нашего отказа въ этомъ прирѣзѣ, основаннаго, какъ вамъ извѣстно, всецѣло на вашемъ заключеніи. По вашему и по плану заказника въ этомъ мѣстѣ значится сплошь сосна: между тѣмъ по точной съемкѣ въ просимомъ прирѣзѣ ее оказалось лишь 44 десятины, а остальная площадь—почти сплошь болото, да луга... Что вы скажете по этому поводу?...

Почтенный авторъ „Правды о переселенческомъ дѣлѣ», очевидно, былъ застигнутъ врасплохъ и отъ такого вступленія своего патрона, повидимому, нѣсколько растерялся, что можно было заключить хотя бы по тому, что онъ какимъ-то виноватымъ голосомъ обратился не къ І. К. Окуличу, какъ-бы слѣдовало, а ко мнѣ:

— Видите-ли, Иванъ Кодратовичъ, въ чемъ тутъ дѣло... Я, признаюсь, правда, немного переборщилъ

въ оцѣнкѣ этой мѣстности для лѣсного хозяйства: но я это сдѣлалъ съ умысломъ..

— Интересно узнать—съ какимъ?—вставилъ я.

— А вотъ съ какимъ... Я вамъ скажу откровенно: если мы ихъ, подлецовъ, пустимъ за Курышъ, то они намъ весь заказникъ сожгутъ..

— Неправда, Александръ Ивановичъ, горячо оппонировалъ я:—смѣю увѣрить Васъ что вы въ данномъ случаѣ заблуждаетесь... Извините, я буду тоже откровененъ и долженъ Вамъ сказать, что или вы недостаточно наблюдали переселенцевъ, или вы вообще плохо познакомились съ психологіей простого народа... И знаете, что какъ разъ наоборотъ можетъ случиться: если вы этимъ старообрядцамъ, которымъ само-же управленіе разрѣшило поселиться рядомъ съ заказникомъ, не дадите крайне необходимаго имъ прирѣза сѣнокоснаго луга на правой сторонѣ Большого-Курыша, то они съ отчаянія и въ отместку вамъ несомнѣнно будутъ жечь заказникъ, и никакая охрана, (а тамъ у васъ вѣдь никакой и нѣтъ) не въ состояніи бороться съ этой, вами же созданной злобой. А покосами старовѣры все равно будутъ пользоваться захватомъ и украдкой, или будутъ траву вытаптывать скотомъ или жечь чужое сѣно, если вы ихъ оставите безъ покосовъ. Въ случаѣ-же прирѣза старообрядцамъ изъ заказника неэксплоатируемыхъ все равно лѣсничествомъ луговъ, они будутъ тогда сами заинтересованы правой стороной Большого Курыша, будутъ вѣчно вамъ благодарны, и не только сами не додумаются поджигать лѣсъ, но и будутъ слѣдить за другими. Вѣдь въ такомъ-же положеніи у васъ тамъ находятся старожилы, имѣющіе верстъ на 80 суходольную границу съ Комаровскимъ заказникомъ, и однако же они не жгутъ заказникъ, а наоборотъ—всемѣрно его охраняютъ, какъ единственную площадь, гдѣ они, при общемъ поземельномъ устройствѣ, расчитываютъ получить лѣсные надѣлы...

— Позвольте, господа, вмѣшался I. К. Окуличъ, —мнѣ кажется, что этотъ вопросъ достаточно освѣщенъ и я склоняюсь удовлетворить просьбу о прирѣзѣ. Согласенъ. А вы какъ, Александръ Ивановичъ?

— Да, что-жъ я... Конечно и я согласенъ, отвѣчалъ сконфуженный г. Комаровъ, въ душѣ проклиная вѣроятно и меня и старообрядцевъ...

Я горячо поблагодарилъ представителей лѣсного вѣдомства за сдѣланную „уступку“ для переселенцевъ и удалился.

Припоминая только-что разсказанный случай при чтеніи „Правды о переселенческомъ дѣлѣ“ г. Комарова, принимая также во вниманіе то отрицательное въ общемъ отношеніе къ землеотводнымъ работамъ въ лѣсныхъ дачахъ, какое поддерживалъ всегда I. К. Окуличъ, дѣлая исключенія только въ видахъ очевидной для него невозможности отстоять ту или иную просимую для колонизаціи часть лѣсной дачи, мнѣ хотѣлось бы уяснить вмѣстѣ съ читателемъ, за что же, собственно, авторъ разсматриваемой книги своего бывшаго патрона часто называетъ „большимъ карьеристомъ“ и вообще дѣлаетъ противъ него цѣлый рядъ не совсѣмъ джентльменскихъ выпадовъ, пользуясь своей „пенсіонной“ недосягаемостью?.. За что? Ужъ во всякомъ случаѣ, думается, не за „разгромъ“ казенныхъ лѣсныхъ дачъ ради поощренія колонизаціи. Именно вотъ этого „поощренія“—то отъ него никогда не было, если не считать нѣсколькихъ случаевъ, вродѣ разсказаннаго выше, когда онъ открыто становился на сторону интересовъ засельщиковъ, въ виду внушающихъ сомнѣніе, или прямо завѣдомо невѣрныхъ утвержденій сводящаго теперь съ нимъ личные счеты „статскаго совѣтника и кавалера“.

Чтобы покончить съ вопросомъ о казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, я позволю себѣ только еще упомянуть о томъ, что *изъ 100 дачъ и заказниковъ* губерніи, во 1-хъ,

только *двѣ небольшія дачи* дѣйствительно уменьшены на половину площади отводомъ лѣсныхъ надѣловъ въ порядкѣ поземельнаго устройства для старожиловъ; во 2-хъ, *пять большихъ дачъ* само лѣсное вѣдомство въ большей или меньшей степени обезцѣнило „хозяйственными заготовками", о которыхъ (во время завѣдыванія лѣснымъ департаментомъ Ф. П. Никитина) съ такимъ умиленіемъ разсказываетъ г. Комаровъ на стр. 110-й своей брошюры, когда „жирные рождественскіе и пасхальные департаментскіе гуси" „потеряли весьма значительно въ величинѣ и качествѣ, *но за то за ихъ счетъ гусята лѣсничихъ"* (только-ли лѣсничихъ?) *„пріобрѣли достаточно живой и благопристойный видъ, что при скудости содержанія меньшей братіи изъ лѣсныхъ чиновъ не мало веселило ея сердце"*)...; въ 3-хъ, изъ только что упомянутыхъ пяти дачъ четыре и еще одна большая дача (Канская) были въ значительной степени захвачены самовольцами—переселенцами; въ 4-хъ, только *двѣ* лишь дачи—Агульская и Посольненская—на 2/3 своей площади были использованы подъ колонизацію по добровольнымъ соглашеніямъ лѣсного вѣдомства; и 16 казенныхъ лѣсныхъ дачъ, болѣе или менѣе обезцѣненныхъ вырубкой строевого лѣса, были использованы подъ переселенческіе участки частично —отъ 1/100 до 1/3 части; и въ 5-хъ, *остальныя-же 85 дачъ и заказниковъ остались совершенно нетронутыми землеотводными работами.*

Послѣ этого невольно возникаетъ вопросъ: о какомъ-же „безпардонномъ разгромѣ" лѣсныхъ богатствъ говоритъ въ своей книжкѣ г. Комаровъ, когда болѣе или менѣе обезцѣненными можно считать лишь 5—7 дачъ изъ 110-ти и 77 проц. этого числа остались въ полной неприкосновенности?

VI.

Весьма серіозное, но вмѣстѣ съ тѣмъ *совершенно неосновательное* обвиненіе въ обезземеленіи старожиловъ

бросаетъ г. Комаровъ мѣстному поземельно-устроительному отряду.

Въ одномъ мѣстѣ (на стр. 39) своей книжки авторъ говоритъ, что чины поземельнаго устройства „ужъ и теперь начинаютъ нарѣзать *по шести десятинъ на душу*, какъ это имѣло мѣсто хотя-бы въ селеніи Кубеково, Частоостровской вол., Красноярскаго уѣзда“...

Въ другомъ мѣстѣ той-же книжки (на стр. 88) сказано: „....Минусинскій старожилъ, получивъ земельный надѣлъ *изъ 4 десятинъ* и болѣе, позналъ священныя права собственности...“

Еще далѣе (на стр. 123) говорится, что населеніе того-же Минусинскаго уѣзда „надѣлялось (уже) *по три съ половиною десятины на душу*....“

Наконецъ, на страницѣ 138 „Правды о переселенческомъ дѣлѣ“, въ одномъ изъ 10-ти заключительныхъ выводовъ г. Комарова (въ чемъ сказались результаты дѣятельности главнаго переселенческаго управленія) мы читаемъ:

„6. Въ постепенномъ обнищаніи старожильческаго населенія, надѣлы коего въ 6—7 десятинъ являются уже не только обычнымъ явленіемъ, *но въ рѣдкихъ случаяхъ доходятъ и до трехъ съ половиною десятинъ на душу*“.

Читатель даже изъ этихъ выписокъ видитъ, что г. Комаровъ въ своемъ стараніи „уложить противника „на обѣ лапатки“, выражаясь мягко, нѣсколько перестарался (приведя сначала случай уменьшенія надѣла старожиламъ до 6 дес., въ срединѣ книжки—до 4 десятинъ, передъ концомъ ея—до трехъ съ пол. дес., а въ самомъ концѣ уже и 3 съ пол.-десятинный надѣлъ является въ „рѣдкихъ случаяхъ“,—значитъ, въ частыхъ случаяхъ и того меньше). Но все-же, чтобы доказать читателю не только невѣрность вышеприведенныхъ утвержденій г. Комарова, но и ихъ абсурдность вытекающую изъ *ничѣмъ неоправдываемаго его личнаго*

вымысла, я считаю крайне необходимымъ (съ рискомъ утомить вниманіе благосклоннаго читателя) привести здѣсь нижеслѣдующія цифровыя данныя, извлеченныя мною, съ надлежащаго разрѣшенія, изъ архивныхъ дѣлъ мѣстнаго поземельно устроительнаго отряда по утвержденнымъ надѣламъ старожильческаго населенія Красноярскаго и Минусинскаго уѣздовъ.

По *Красноярскому уѣзду* мы располагаемъ слѣдующими точными цифрами:

Въ *Больше-Муртинской* волости окончательно устроено въ земельномъ отношеніи 16 селеній, въ томъ числѣ 3 переселенческихъ; учтенныхъ душъ 3454 и подлежитъ допринятію—204 души; всей удобной земли (вмѣстѣ съ лѣснымъ надѣломъ) оставлено 64552,94 дес., что въ среднемъ по волости составитъ на учтенныхъ *по 18,96 десятинъ*; самый большой размѣръ, приходящійся на наличную душу площади удоб. зем., составляетъ 23,28 дес. и самый минимальный надѣлъ—12,50 дес. (и то въ переселенческ. уч. Обейка, а у старожиловъ—17,46 дес.).

Въ *Вознесенской волости* окончательно устроено 36 селеній; учтено душъ (не считая казаковъ) 6025; на допринятіе оставлено 65 надѣловъ; удобной земли (съ лѣсн. надѣломъ) у населенія состоитъ 98697,98 дес., что на каждую наличную душу составляетъ *по 16,38 дес.*; самый большой размѣръ приходится на душу—20,52 дес. и самый минимальный—12,73 дес (безъ лѣсн. надѣла).

Въ *Еловской волости* устроено 16 селеній, въ т. ч. 2 переселенческихъ; учтено душъ 4365 и подлежитъ допринятію 175; всей удобной земли оставлено 72401,14 дес., что составляетъ въ среднемъ *по 16,59 десят.*; максимумъ оставлено на наличную душу—23,95 дес. и минимумъ—12,93 дес.

Въ *Есаульской волости* (состоящей изъ одного села Есаульскаго) учтено 714 душъ, коимъ оставлено 8534,65 дес., или *по 12,09 дес.* на наличн. душу.

Въ *Заледѣевской волости* устроено 22 селенія, въ т. ч. 1 переселенческое; учтено налич. душъ 6415 (не считая казаковъ); оставлено уд. земли 100205,92 дес., что составляетъ по волости въ среднемъ—*по 15.62 дес.;* максимумъ оставлено на душу 20 дес. и минимумъ—12,41 дес.

Въ *Нахвальской волости* землеустройству подверглись исключительно 9 старожильческихъ селеній: учтено 4034 души, которымъ оставлено удобной земли 53682,65 дес., что на каждую душу м. п. составляетъ *по 13,31 десят.;* оставлено на душу максимумъ 14,85 дес. и минимумъ—12,44 дес.

Въ *Погорѣльской волости* окончательно устроены 18 селеній, въ т. ч. 2 переселенческихъ; учтено 6215 надѣльныхъ душъ м. п., на которыхъ оставлено удобныхъ земель 115774,72 дес., что составляетъ въ среднемъ *по 18,63 дес.* на каждую душу; оставлено въ отдѣльныхъ дачахъ максимумъ—29,47 дес. и минимумъ 13,20 десят. на душу.

Въ *Сухобузимской волости* получили окончательное землеустройство 16 старожильческихъ селеній, въ которыхъ учтено 7516 над. души; оставлено удобной земли 126415,50 десят., что по волости въ среднемъ составляетъ *по 16,82 десят.* на каждую душу; по отдѣльнымъ дачамъ самое большее оставлено 26,65 дес. и самое меньшее—10,93 дес., (по дачѣ д. Кононовой) но это малоземелье только кажущееся: какъ видно изъ дѣла по землеустройству жителей этой деревни, хлѣбопашествомъ занимаются здѣсь не болѣе половины надѣльныхъ душъ, слѣдовательно, на каждую муж. душу крестьянскихъ семей приходится почти *по 22 десятины.*

Въ *Частоостровской волости* окончательное землеустройство получили 13 селеній, по которымъ учтено 5098 душъ; оставлено удобной земли 71237,08 дес., что составляетъ въ среднемъ по волости *13,99 десят.;* самый большой надѣлъ составляетъ 17.92 десят; а

самый малый—11,03 д. (по с. Частоостровскому, гдѣ на общее число 838 надѣл. душъ приходится около 300 душъ наличныхъ и отсутствующихъ ссыльно-поселенцевъ, незанимающихся хлѣбопашествомъ, каковое соотношеніе повышаетъ надѣлъ остальныхъ до 15,50). Въ частности *по подгородной д. Кубековой*, о которой упоминаетъ г. Комаровъ въ своей книгѣ, числится: надѣльныхъ душъ 324, которымъ оставленъ надѣлъ удоб. земли въ 4460,61 дес., что составляетъ не по 6 дес., какъ утверждаетъ названный авторъ, *а по 13,77 дес.*, т. е. болѣе чѣмъ въ два раза.

Наконецъ, *въ Шалинской волости* устроено 11 селеній, въ т ч. 1 переселенческое; учтено душъ 2909, —подлежитъ допринятію 213, итого—3122 надѣл. души, для которыхъ оставлено удобной земли—вмѣстѣ съ лѣснымъ надѣломъ—53424.32 дес., что составляетъ въ среднемъ по волости *по 17,11 десят.*; причемъ самымъ большимъ надѣломъ является 21.83 дес., а самымъ малымъ—14,59 дес. (и то въ пер. участкѣ).

Всего-же по Красноярскому уѣзду получили окончательное землеустройство 158 селеній: въ нихъ учтено 46745 душъ, для которыхъ оставлено всего удобныхъ земель - земельнаго надѣла 653508,65 десят. и лѣсного 111318,25 дес., а всей—764826.90 дес., что составляетъ въ среднемъ по уѣзду надѣлъ *по 16,35 десят. на душу*, въ томъ числѣ по 2,38 дес. лѣсного надѣла.

Этотъ надѣлъ уже самъ по себѣ для черноземныхъ преимущественно почвъ Красноярскаго уѣзда является весьма высокимъ, если-же мы примемъ во вниманіе, что въ каждомъ селеніи въ число учтенныхъ душъ вошло отъ 25 до 55 проц. лицъ фактически не только незанимающихся земледѣліемъ, но даже на $^2/_3$ отсутствующихъ, то можно съ увѣренностью сказать, что *средній надѣлъ хлѣбопахарей даннаго уѣзда колеблется отъ 22 до 45 десятинъ на душу м. п.*

По *Минусинскому уѣзду* тѣ-же цифровыя данныя намъ рисуютъ нижеслѣдующую картину поземельнаго устройства:

Въ *Абаканской инородной управѣ* окончательное землеустройство получилъ только 1 улусъ Салбино-Кайбальскаго рода, въ которомъ учтено 86 наличныхъ душъ м. п., и 49 душъ подлежитъ допринятію; оставлено въ надѣлъ удобной земли 2205,51 дес., что составляетъ на наличныхъ *по 24,92 дес.*, а на надѣльныхъ --16,29 (вмѣстѣ съ лѣснымъ надѣломъ).

Въ *Абаканской волости* устроено въ земельномъ отношеніи 15 селеній, въ которыхъ учтено 4875 душъ, подлежитъ допринятію 893, а всего надѣльныхъ 5768 душъ; оставлено въ распоряженіи старожиловъ удобной земли съ лѣс. надѣломъ—91902,13 дес., что составляетъ въ среднемъ на каждую наличную душу *по 18.81 дес.*, а на каждую надѣльную по 15,93 дес; по отдѣльнымъ дачамъ самое большее количество на душу приходится по 24,47 дес. и самое меньшее—13.91 дес.

Въ *Аскызской инородной управѣ* до сего времени устроено 9 группъ улусовъ съ населеніемъ въ 2853 души; подлежитъ допринятію 273, всего—3126 надѣл. душъ, на которыхъ оставлено земли—55630,10 дес. удобн. зем., что составляетъ на наличн душу *по 19,50 дес.*; максимумъ землепользованія—27,80 дес. и минимумъ—13,57 дес,

Въ *Бейской волости* устроено 7 селеній и 1 заимка, съ населеніемъ 3616 душъ, назначено къ допринятію 147, всего 3763 надѣльн. души, для которыхъ оставлено удобн. земли 64929,49 дес., что составляетъ на наличную душу *по 17,96 дес.;* максимумъ землепользованія—20,81 дес. и минимумъ—15,37 десят.

Въ *Восточенской волости* устроено 5 старожильческихъ селеній и 1 односелье, съ населеніемъ въ 2621 душу (не считая казаковъ); оставлено удобн. земли 38848,79 дес, или *по 14,82 дес.* на каж. на-

личн. душ; максимумъ землепользованія—16,72 дес. и минимумъ—11,78 дес. (безъ лѣсного надѣла).

Въ *Ермаковской волости* устроено 15 селеній и 3 заимки, съ населеніемъ въ 6245 душъ и 100 душъ назначено къ допринятію; оставлено удобной земли 96300,25 дес, что на каждую наличную душу въ среднемъ составляетъ *по 15,42 дес.*: максимумъ землепользованія—21.39 и минимумъ—12,87 десят. (безъ лѣсного надѣла).

Въ *Знаменской волости* окончательно устроено 6 селеній, съ населеніемъ въ 1443 души (и по 4 селеніямъ и 1 улусу 1024 души надѣлы еще не утверждены); подлежитъ къ допринятію около 650 душъ; въ получившихъ утвержденіе дачахъ состоитъ удобн. земли 28273,02 дес., что въ среднемъ составляетъ *по 19,59 дес.* на наличную душу (а по 5-ти неутвержденнымъ дачамъ—до 30 дес.); максимумъ землепользованіе—35, 35 дес. и минимумъ—16,01 дес.; причемъ по дачѣ д. Знаменской отнесено къ неудобнымъ землямъ—малоудобной степи 48 проц., по дачѣ д. Большой-Ербы—67 проц., а по дачѣ д. Сонской—даже 76 проц.

Въ частности въ дачѣ кр. с. Батени, изъ землепользованія которыхъ образованъ упоминаемый г. Комаровымъ скотоводческій участокъ Карчалыкскій (стр. 88-я), осталось надѣльной земли 7351,29 десят., или по 19,50 дес. на наличную душу. Насколько землепользованіе Батеневцевъ было обширнымъ можно судить уже по тому, что изъ него отрѣзано до 6000 дес. въ уч. Карчалыкскій, болѣе того въ запасный уч. Верхне-Карчалыкскій и два переселенческихъ, и кромѣ того—113 душъ подлежитъ допринятію.

О зажиточности-же крестьянъ Знаменской волости можно судить хотя-бы по количеству головъ скота; такъ, напримѣръ, документально установлено, что на 65 дворовъ дер. Знаменской приходится 11000 штукъ мелкаго и крупнаго скота.

Въ *Іудинской волости*, состоящей изъ 1 села съ населеніемъ въ 1358 душъ, при землеустройствѣ оставлено удобной земли 21472,98 дес., что составляетъ на наличную душу *по 15,82 дес.*

Въ *Имисской волости* всего устроено 13 селеній, въ т. ч. 1 переселенческое, съ населеніемъ въ 3270 наличныхъ душъ; подлежитъ допринятію 184 души; оставлено удобной земли 56311,95 дес., что на каждую наличную душу въ среднемъ составляетъ *по 17,22 дес.*; максимумъ землепользованія—26,50 дес., а минимумъ—13,78 дес. (безъ лѣсного надѣла).

Въ *Каптыревской волости* устроено 9 селеній и 1 заимка, съ населеніемъ въ 4153 души м. п. и подлежитъ допринятію 367, всего 4520 надѣльныхъ душъ, на которыхъ оставлено удобной земли (не считая казачьихъ надѣловъ) 68796,88 дес., что составляетъ въ среднемъ по волости по 16,57 дес. на каждую наличную душу; максимумъ землепользованія—46,71 и минимумъ—12,31 дес. (безъ лѣсного надѣла).

Въ *Кнышинской волости* устроено 8 селеній, изъ нихъ 2 переселенческихъ, съ населеніемъ въ 3094 души и подлежащихъ допринятію 19, всего 3113 надѣльныхъ душъ, для которыхъ оставлено удобной земли 45304,45 дес., что составляетъ въ среднемъ *по 14,67 дес.* на каждую наличную душу; максимумъ землепользованія—17,44 дес. и минимумъ—11,58 дес. (безъ лѣсного надѣла, въ переселенческомъ участкѣ).

Въ *Кочергинской волости* устроено 8 селеній и 1 заимка, съ населеніемъ въ 4035 душъ м. п. и 149 душъ подлежащихъ допринятію, всего 4184 надѣльныхъ души, на которыхъ оставлено удобной земли 69814,04 дес., что составляетъ въ среднемъ *по 17,30 дес.* на наличную душу; максимумъ землепользованія—19,85 дес. и минимумъ—14,34 дес. на душу.

Въ *Курагинской волости* устроено 5 старожильческихъ селеній, съ населеніемъ въ 3696 наличныхъ душъ и 77 душъ подлежащихъ допринятію, всего 3773 на-

дѣльныхъ души, на которыхъ отграничено удобной земли 55917,73 дес., что составитъ въ среднемъ *по 15,13 дес.* на наличную душу; максимумъ землепользованія приходится 18,52 дес. и минимумъ—13,22 дес. на душу (безъ лѣсного надѣла).

Въ *Лугавской волости* устроено 4 селенія и 4 заимки, съ населеніемъ въ 2050 наличныхъ душъ и 40 душъ подлежащихъ допринятію, всего 2090 над. душъ, на которыхъ оставлено удобной земли 35129,23 дес., что въ среднемъ составитъ *по 17,13 дес* на каждую наличную душу; самый большой надѣлъ—19,08 дес., а самый малый—11,88 дес. (заимка безъ лѣсного надѣла).

Въ *Мало-Минусинской волости* устроено 7 селеній, съ населеніемъ въ 3398 душъ м. п. и 796 душъ подлежитъ допринятію; надѣловъ-же оставлено 4335 съ площадью удобной земли 71702,59 дес., что на каждую наличную душу въ среднемъ дастъ *по 21,10 дес.*; самое большое на наличную душу приходится по 34,74 дес., а самое меньшее—14,17 дес.

Въ *Маторской волости* устроено 9 селеній (1 переселенческое) и 2 заимки, съ населеніемъ въ 5005 душъ м. п. и 330 подлежащихъ допринятію, всего 5335 надѣльныхъ душъ, на которыхъ оставлено удобной земли 75716,04 дес., что въ среднемъ составитъ—*по 15,13 дес.* на каждую учтенную душу; самый большой душевой надѣлъ—26,24 дес. на душу, а самый малый—9 дес. (въ Н.-Буланской нѣмецкой колоніи); у чисто русскаго-же населенія самый малый надѣлъ—12,65 дес. (безъ лѣсного надѣла).

Въ *Никольской волости* пока надѣлы лишь запроектированы 3-хъ старожильческихъ селеній, съ населеніемъ въ 1262 души и для 3-хъ переселенческихъ селеній отведены лѣсные надѣлы; старожиламъ оставлено удобной земли 16810,06 дес., или *по 13,32 дес.* на каждую душу; наибольшій душевой надѣлъ—16,98 дес., а наименьшій—10,52 дес. (безъ лѣсного надѣла).

Въ *Новоселовской волости* устроено окончательно 23 старожильческихъ селенія. съ населеніемъ въ 4874 души и 780 подлежащихъ допринятію; надѣловъ-же оставлено 5671 съ площадью удобной земли 93238,9 дес., что въ среднемъ на наличную душу составитъ *по 19,13 дес.*; максимумъ на душу приходится по 26,44 дес., а минимумъ—14,91 дес. (безъ лѣсного надѣла).

Въ *Паначевской волости* устроено 10 селеній, изъ нихъ 2 старожильческихъ, съ населеніемъ 2320 душъ м. п. и 6 душъ подлежитъ допринятію; оставлено удобной земли 34786,04 дес., что на каждую наличную душу въ среднемъ составитъ *по 14,99 десят.;* наибольшій надѣлъ—17,21 дес. на душу, а наименьшій—13,37 (безъ лѣсного надѣла).

Въ *Сагайской волости* устроено 12 селеній, въ т. ч. 2 переселенческихъ и 1 заимка, (не считая 1 казачьей станицы), съ населеніемъ 5085 душъ и 175 подлежатъ допринятію; оставлено удоб. земли 81058,77 дес., что въ среднемъ на наличную душу составляетъ *по 15,94 десят.*; наибольшій душевой надѣлъ—21,92 дес, а наименьшій—12,62 дес. (безъ лѣсного надѣла въ переселенческомъ участкѣ).

Въ *Таштыпской волости* пока запроектированы надѣлы 4 селеній, съ населеніемъ 636 душъ и 13 подлежитъ допринятію; 1 селеніе осталось еще не устроено; оставлено населенію удобной земли 8725,42 дес., что составляетъ въ среднемъ на каждую учтенную душу *по 13,72 десят.*; наибольшій душевой надѣлъ 19,85 дес., а наименьшій—13,27 дес. (безъ лѣсного надѣла).

Въ *Тигрицкой волости* окончательно устроено 1 селеніе и 7 заимокъ, съ населеніемъ 1210 душъ и 81 подлежитъ допринятію, всего 1291 надѣлъ, съ площадью удобной земли 20774, дес., что составляетъ *по 17,17 дес.* на каждую наличную душу; наибольшій душевой надѣлъ—20,40 дес., а наименьшій—16,42.

Наконецъ, въ *Шушенской волости* окончательное землеустройство получили 6 старожильческихъ селе-

ній, 1 заимка и 1 поселокъ самовольныхъ засельщиковъ, съ населеніемъ въ 3185 учтенныхъ душъ и 21 подлежатъ допринятію; удобной земли оставлено 44982,12 дес., что въ среднемъ по волости составляетъ *по 14,12 десят.* на каждую наличную душу; причемъ наибольшій душевой надѣлъ здѣсь достигаетъ —20,33 дес., а наименьшій—8,63 дес. (безъ лѣсного надѣла)—въ поселкѣ Ивановскомъ при бездѣйствующемъ нынѣ Гусевскомъ свеклосахарномъ заводѣ, образованномъ самовольно поселившимися рабочими этого завода; у старожиловъ-же наименьшій надѣлъ 11,96 десят.

Всего-же по Минусинскому уѣзду получили землеустройство 181 селеніе и 23 заимки и поселка, съ населеніемъ въ 70370 душъ м. п. и 5335 подлежитъ допринятію; оставлено устроенному населенію удобной земли—земельнаго надѣла 1066409,77 дес. и лѣсного 112221,23 дес., а всей 1178631 десятина, что *въ среднемъ по уѣзду составляетъ по 16,07 десят. на каждую учтенную душу*, въ томъ числѣ по 1,59 дес. лѣсного надѣла. Наибольшій размѣръ существующаго землепользованія по уѣзду достигаетъ 46,71 десят. на душу, а наименьшій надѣлъ, (если не считать Ивановскаго поселка при бывшемъ Гусевскомъ заводѣ и Нижне-Буланской колоніи)—11,58 десят. (безъ лѣсного надѣла, въ переселенческомъ участкѣ).

Въ *Усинскомъ* пограничномъ округѣ окончательно устроены 2 селенія, 1 поселокъ и 9 заимокъ съ населеніемъ 1138 душъ м. п., которымъ оставлено удобной земли 20202,52 дес., что въ среднемъ даетъ *17,75 дес.* на душу.

Что-же касается уѣздовъ Ачинскаго и Канскаго, въ которыхъ поземельное устройство только что началось, то врядъ-ли кому придетъ въ голову мысль говорить о малоземельи этихъ уѣздовъ, давшихъ самое большое количество переселенческихъ участковъ и

издавна извѣстныхъ своимъ. просторомъ, рѣдкимъ населеніемъ и мощными почвами.

Когда я началъ выписывать вышеприведенныя точныя цифровыя данныя поземельнаго устройства въ двухъ почти отработанныхъ уѣздахъ Енисейской губерніи, то сильно усумнился въ необходимости помѣщенія здѣсь такого обилія цифрового матеріала, и я этого никогда-бы не сдѣлалъ, щадя досугъ благосклоннаго читателя, если бы, съ одной стороны. этотъ матеріалъ въ исчерпывающемъ видѣ не представлялъ собою интереса для освѣщенія самого по себѣ важнаго вопроса, а съ другой—если бы не категорическое утвержденіе въ конечномъ выводѣ г. Комарова объ обезземеленіи старожильческаго населенія колонизаціонными работами и если-бы не тотъ безудержный задоръ слишкомъ осмѣлѣвшаго обличителя, съ какимъ онъ «безпощадно" клеймитъ и кидаетъ броскомъ въ общую кучу всѣхъ дѣятелей мѣстнаго и центральнаго управленія. Своими слишкомъ быть можетъ многочисленными выписками изъ документальныхъ данныхъ по землеустройству мѣстнаго населенія я желалъ, главнымъ образомъ, показать читателю, насколько г. Комаровъ въ своей книжкѣ, расчитанной на широкую публику, безцеремонно и безотвѣтственно исказилъ дѣйствительную правду и, злоупотребляя свободой печати, бросилъ совершенно не основательное, но чрезвычайно серіозное, обвиненіе переселенческому управленію, вся система работъ котораго сводится, будто-бы, къ тому, чтобы на несчастіи и стѣсненіи однихъ элементовъ населенія строить благополучіе другихъ.

VII.

Какъ-бы снисходительно не относиться къ „Правдѣ о переселенческомъ дѣлѣ" г. Комарова, какъ-бы ни стараться объяснять многія его фактическія ошибки и прегрѣшенія противъ истины фельетонно-балагурнымъ его писаніемъ, однако, не надо ни на мину-

ту забывать того авторитетнаго и какъ бы недопускающаго возраженій тона, какимъ написана названная книжка, и только съ точными цифрами и документами въ рукахъ можно и должно возражать почтенному разоблачителю, который только потому, что ему съ 1908 года „не смѣли возражать", договорился до явныхъ абсурдныхъ выводовъ и хотя черезчуръ смѣло, но не совсѣмъ ловко *16 десятинный надѣлъ обобщилъ до трехъ съ половиной-десятиннаго.*

— А для чего всетаки это онъ сдѣлалъ? спроситъ, быть можетъ, читатель.

— А для того, отвѣчу я, чтобы какъ можно нагляднѣе показать, что работы переселенческаго управленія—анти-государственныя, грозящія въ будущемъ великими потрясеніями и, пока не поздно, немедленно, въ интересахъ отечества, надо отобрать переселенческое дѣло изъ неопытныхъ и неумѣлыхъ рукъ безпощадно скомпрометированнаго имъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ, вѣдомства и передать въ опытныя и умѣлыя руки Сибирскаго Земства, отчего единственно и зависитъ спасеніе Россіи и Сибири.

Такъ, или почти такъ, полагаетъ авторъ разсматриваемой „Правды". Но съ подобнымъ незрѣлымъ и мало обдуманнымъ, а—главное—неискреннимъ пожеланіямъ ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться. Я уже говорилъ выше, что начало передачи переселенческаго дѣла въ руки Сибирскаго земства будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и концомъ этого дѣла. И хотя я—чистокровный сибирякъ и горячо желаю скорѣйшаго введенія въ нашей обширной окраинѣ возможно широкаго земскаго самоуправленія, но обманывать ни себя, ни другихъ, вмѣстѣ съ г. Комаровымъ, не желаю, и совершенно открыто говорю, что передача такого важнаго съ государственной точки зрѣнія дѣла, какъ переселенческое, въ вѣдѣніе какого бы то ни было *мѣстнаго* земства является совершенно недопустимой и даже вредной. Какъ нельзя земельные даже

широко понимаемые интересы старожильческаго населенія приносить съ легкимъ сердцемъ въ жертву интересамъ колонизаціи, или лѣсного хозяйства, такъ, равнымъ образомъ, ради интересовъ мѣстнаго населенія невозможно совершенно поступаться интересами переселенческаго дѣла, или интересами раціональнаго лѣсоустройства, которые вѣдь не всегда же находятся въ непримиримомъ противорѣчіи другъ къ другу. Въ такихъ дѣлахъ государственной важности, какъ переселенческое или землеустроительное—не можетъ быть мѣстнаго, областного усмотрѣнія и прямой зависимости отъ доминирующихъ районныхъ началъ и тенденцій,—въ нихъ должна быть заложена одна основная идея—благо всего русскаго народа во всей его совокупности. Эта истина въ доказательствахъ, кажется, не нуждается. И никто изъ дѣйствительно знающихъ Сибирь ученыхъ, изслѣдователей и наблюдателей уже не обманывается на этотъ счетъ. Вотъ, что говоритъ по этому вопросу такой свѣтлый умъ и такой тонкій знатокъ сибирскаго землевладѣнія и переселенческаго дѣла, какъ А. А. Кауфманъ, въ интересной и глубоко поучительной статьѣ: „Земельный вопросъ и переселеніе“, напечатанной въ 1908 году въ особомъ сборникѣ, подъ названіемъ: „Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды“:

„Въ общественномъ мнѣніи Сибири широко распространено теченіе, которое правильнѣе всего назвать автономистическимъ; представители этого теченія желаютъ передать въ руки самого сибирскаго населенія, въ лицѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія, между прочимъ, и все земельное дѣло въ странѣ, включая какъ поземельное устройство, такъ и завѣдываніе лѣсами, переселенческое дѣло и т. п. Мнѣ кажется, говоритъ А. А. Кауфманъ, что такое рѣшеніе вопроса объ организаціи земельнаго дѣла въ Сибири было-бы ошибочно“. Далѣе тотъ-же авторъ говоритъ, что поземельное устройство, гдѣ-бы оно ни было, а тѣмъ бо-

лѣе въ Сибири—области, имѣющей для всей страны важное колонизаціонное значеніе, не есть чисто мѣстное дѣло; мѣстные интересы, какъ мы видѣли, нерѣдко вступаютъ въ конфликтъ съ общегосударственными интересами, и въ частности широкое пониманіе земельныхъ нуждъ мѣстнаго населенія всегда будетъ итти въ ущербъ не менѣе и даже гораздо болѣе насущнымъ интересамъ переселенческаго дѣла. Между тѣмъ, органы мѣстнаго самоуправленія, какъ таковые, всегда будутъ стоять на стражѣ одного только *мѣстнаго* интереса и будутъ болѣе чѣмъ равнодушны къ нуждамъ, напримѣръ, переселенческаго дѣла. Мало того: *ближайшій* интересъ мѣстнаго населенія, всегда стремящагося сохранить или получить какъ можно больше земли, весьма часто будетъ въ противорѣчіи даже съ мѣстными же, но болѣе общими интересами, иногда—и съ болѣе отдаленными, а потому не сознаваемыми, интересами самого населенія, для котораго крайне важно, напримѣръ, сохраненіе лѣсовъ, развитіе внутренняго рынка для продуктовъ и т. п. Между тѣмъ, мѣстное самоуправленіе, органы котораго избраны и будутъ переизбираться голосами тѣхъ же крестьянъ и инородцевъ, которое и по самому своему существу должно быть выразителемъ взглядовъ и нуждъ своихъ довѣрителей, слишкомъ легко будетъ переоцѣнивать ближайшіе ихъ интересы и нужды и приносить имъ въ жертву болѣе отдаленные или болѣе общіе интересы страны.

„Вотъ почему, я думаю, заканчиваетъ А. А. Кауфманъ, *земельное дѣло въ Сибири*—какъ бы ни было, впослѣдствіи, организовано здѣсь мѣстное самоуправленіе,—*должно остаться государственнымъ дѣломъ*, и завѣдываніе имъ должно быть оставлено въ рукахъ учрежденій „*государственнаго* характера".

Я полагаю, что къ столь блестящей защитѣ вышепоставленнаго положенія прибавлять нечего, и врядъ ли найдется теперь хотя бы одинъ вдумчивый

сибирякъ, свободный отъ узкой предвзятости квазилиберальнаго шаблона и ветхихъ шоръ областничества, который серіозно бы заботился отстоять прежнюю позицію въ земельномъ вопросѣ и сокрушался о томъ, что будущимъ свободно-организованнымъ учрежденіямъ мѣстнаго самоуправленія не найдется обширнаго, серьезнаго и безконечнаго дѣла, кромѣ колонизаціоннаго, земле-и лѣсоустроительнаго. И всякое беззубое шамканье непрошенныхъ „пенсіонныхъ“ радѣтелей Сибири, мнѣ кажется, не только ни на іоту не расширитъ формальныхъ правъ ожидаемаго сибирскаго земства, а какъ разъ наоборотъ—излишнее муссированіе ложнаго, безнадежнаго и бездоказательнаго требованія способно заронить въ душѣ даже безпристрастнаго законодателя искру сомнѣнія въ правотѣ доподлинныхъ, строго необходимыхъ и дѣйствительно важныхъ чаяній сибирскаго населенія,—способно вредно повліять не только на полноту ожидаемыхъ правъ, но и отдалить самый мементъ введенія нужныхъ реформъ.

VIII.

Много удѣлилъ мѣста въ своей книгѣ г. Комаровъ *Чуно-Ангарскому* таежному району, или—вѣрнѣе—нападкамъ на переселенческое управленіе за образованіе въ этомъ районѣ переселенческихъ участковъ. И хотя авторъ „Правды о переселенческомъ дѣлѣ“ прекрасно знаетъ, что землеотводныя работы въ названномъ районѣ были поставлены не ранѣе, какъ была указана Начальникомъ края постройка дороги „Тайшетъ-Дворецъ“, открывшей выходъ съ рѣки Ангары въ предѣлахъ Енисейской губерніи къ желѣзной дорогѣ; хотя авторъ знаетъ, что дальнѣйшія работы по образованію переселенческихъ и запасныхъ участковъ въ томъ краѣ давно уже прекращены; хотя ему извѣстно, что не въ мѣру разгоряченный оптимизмъ „инженера Шера“ въ отношеніи колонизаціон-

ныхъ перспективъ Чуно Ангарья своевременно былъ охлажденъ „до нуля“, а игривая „описательная“ фантазія, нашедшая мѣсто въ его „отчетѣ“, была вскорѣ оцѣнена по достоинству настолько, что г. Шеръ, мягко выражаясь, „остался не у дѣлъ“,—тѣмъ не менѣе, вышеназванный авторъ, слегка коснувшись дѣятельности получившаго должное возмездіе инженера Куницкаго и бывшаго завѣдующаго переселенческимъ дѣломъ въ Енисейско-Иркутскомъ районѣ, безвременно погибшаго несчастнаго Н. Н. Сергѣева, снова въ въ настоящее время перебираетъ промахи и грѣхи отдѣльныхъ сошедшихъ со сцены службы и жизни лицъ, и съ нескрываемымъ удовольствіемъ повѣствуетъ о работахъ переселенческаго управленія въ Чуно-Ангарскомъ районѣ, какъ о какомъ-то тяжеломъ, незабываемомъ преступленіи по службѣ, или какъ о какомъ-то безконтрольномъ произволѣ мѣстныхъ руководителей этими работами.

Но такъ-ли это было въ дѣйствительности?—вотъ вопросъ, въ которомъ я вкратцѣ попытаюсь разобраться. Однако долженъ оговориться, что я не вижу въ данный моментъ необходимости въ описаніи всей исторіи и существа Чуно-Ангарскихъ работъ (оставляя это до другого раза) и здѣсь коснусь лишь комплекса тѣхъ условій и факторовъ, при наличности которыхъ были открыты землеотводныя работы въ упомянутомъ районѣ.

Сначала возьмемъ формальную сторону.

До 1899 года, при образованіи переселенческихъ участковъ былъ строго соблюдаемъ циркуляръ Министерства Земледѣлія и Государственными Имуществ. отъ 9 февраля 1895 г., за № 2, которымъ, между прочимъ, предлагалось не включать въ переселенческіе участки такихъ площадей, которыя сплошь покрыты болѣе или менѣе крупнымъ лѣсомъ и въ составѣ которыхъ нѣтъ достаточнаго, на первое время, коли-

чества земель непосредственно удобныхъ, безъ предварительной расчистки, для земледѣлія и сѣнокошенія.

Но въ 1899 году 12 іюня была издана инструкція для работъ по обслѣдованію незаселенныхъ казенныхъ лѣсныхъ пространствъ Сибири, давшая возможность значительно расширить землеотводныя работы за счетъ лѣсныхъ пространствъ; а циркуляромъ отъ 11 мая 1899 г., за № 5, въ отмѣну циркуляра отъ 9 февраля 1895 года, уже прямо допущено образованіе участковъ изъ площадей, хотя-бы и сплошь покрытыхъ лѣсомъ, въ особенности-же изъ пространствъ, имѣющихъ характеръ „бѣльниковъ" или „дубровъ", если только ко включенію такихъ площадей въ предѣлы участковъ нѣтъ препятствій съ точки зрѣнія лѣсного хозяйства. Такое рѣшеніе мотивировалось тѣмъ соображеніемъ, что запасъ свободныхъ земель, удовлетворяющихъ требованію циркуляра 1895 года, представляется болѣе или менѣе исчерпаннымъ, такъ что въ цѣляхъ колонизаціи по необходимости приходится использовать и лѣсныя пространства; съ другой стороны, опытъ уже показалъ, что отсутствіе въ составѣ участка мѣстъ, свободныхъ отъ лѣса и доступныхъ для немедленнаго обращенія подъ культурныя угодія, далеко не можетъ быть признано безусловнымъ препятствіемъ къ успѣшному его заселенію: выходцы изъ лѣсистыхъ мѣстностей сѣверныхъ и западныхъ губерній, привыкшіе къ борьбѣ съ лѣсомъ, охотно селятся на такихъ участкахъ; „особенно удобными для заселенія, какъ буквально сказано въ неотмѣненномъ до сего времени циркулярѣ, оказываются среди урманныхъ и таежныхъ пространствъ, такъ называемые, „бѣльники" или „дубровы"—площади на которыхъ первобытный хвойный лѣсъ, послѣ пожаровъ, замѣнился сплошнымъ березовымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ —осиновымъ лѣсомъ". Образуемые изъ такихъ площадей участки предложено характеризовать однимъ словомъ: „трудный".

Вотъ на основаніи только-что приведеннаго циркуляра, какъ въ Енисейскомъ, такъ равно и въ другихъ районахъ. было образовано, дѣйствительно, не мало этихъ „трудныхъ" участковъ, о судьбѣ которыхъ сокрушается г. Комаровъ; но утвержденія его о полной непригодности таежныхъ участковъ вообще къ заселенію является по меньшей мѣрѣ спорнымъ и вотъ почему.

Вѣдь жить хорошо и плохо можно на одномъ и томъ же участкѣ, въ зависимости отъ индивидуальныхъ качествъ засельщиковъ.—Старообрядцы-крестьяне, выходцы изъ Пермской губерніи, хорошо могутъ жить на такихъ таежныхъ „трудныхъ" участкахъ, гдѣ переселенцы Курской губерніи будутъ жить плохо, а степнякъ-южанинъ даже и не посмотритъ на такой участокъ и будучи случайно водворенъ, сбѣжитъ съ него послѣ перваго же года.

Здѣсь есть десятки участковъ въ подтаежной полосѣ, которые по своимъ естественно-историческимъ факторамъ безусловно пригодны для заселенія и веденія на нихъ прочнаго сельскаго хозяйства, но обиліе, такъ называемаго, „гнуса" дѣлало ихъ непригодными въ теченіе долгаго ряда лѣтъ по крайней мѣрѣ для половины всѣхъ выходцевъ изъ Европейской Россіи, да дѣлаетъ нѣкоторые изъ нихъ таковыми и по настоящее время. Можно-ли послѣ этого удивляться, что участки, нарѣзанные въ собственно таежныхъ районахъ, гдѣ „гнуса" еще больше, а качество участковъ нѣсколько хуже, да и къ тому-же они слишкомъ удалены отъ городовъ и желѣзной дороги,—останутся на болѣе или менѣе долгое время незаселенными, пока волна колонизаціи, постепенно разширяясь и углубляясь, не докатится и до нихъ.

Близко стоя къ дѣлу образованія переселенческихъ участковъ въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ, и ревниво слѣдя за постепеннымъ ихъ заселеніемъ, я могу засвидѣтельствовать, что отдаленность отъ цен-

тральныхъ рынковъ, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія и непосильная для зауряднаго переселенца борьба съ лѣсомъ—вотъ главныя препятствія къ скорому заселенію таежныхъ участковъ,—вотъ самое страшное пугало для всѣхъ почти засельщиковъ обыкновеннаго типа, не считая еще при этомъ цѣлаго комплекса спеціально таежныхъ условій—(сравнительно слабыя почвы, гнусъ, хищный звѣрь, лѣсные пожары и проч.). Находись тѣ же „трудные“ таежные участки гдѣ-либо поблизости отъ желѣзной дороги или городовъ,—и заселеніе ихъ не вызвало бы никакого сомнѣнія.

Что-же касается въ частности переселенческихъ участковъ. образованныхъ чинами мѣстной землеотводной партіи въ Чуно-Ангарскомъ таежномъ районѣ, площадью около 200000 десятинъ, то эти участки были нарѣзаны при слѣдующихъ условіяхъ.

Во 1-хъ, землеотводныя работы въ названномъ районѣ были включены въ планъ работъ 1908 года благодаря отчетнымъ. (ни кѣмъ тогда еще не опровергнутымъ) даннымъ и матеріаламъ вышеназваннаго инженера Шера.

Во 2-хъ, въ виду того, что по Чуно-Ангарскому району предстояло быть проложенной разрѣшенной къ постройкѣ, (независимо отъ колонизаціонныхъ работъ) колесной дорогѣ „Тайшетъ-Дворецъ“, естественно было желаніе образовать около этой дороги рядъ переселенческихъ участковъ, если представлялось къ тому какая-либо возможность по естественно-историческимъ условіямъ.

Въ 3-хъ, ни г. Благовѣщенскій, ни даже г. Шульга, изслѣдовавшіе Чуно-Ангарскій районъ, не рѣшились категорически высказаться противъ постановки, въ цѣляхъ крайне желательной колонизаціи и вообще оживленія того края. землеотводныхъ работъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, что можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ ихъ отчетовъ. Такъ, г. Благовѣщенскій пишетъ:

„Изъ гарей этого района наибольшими являются Карабульскія. Пространство, занимаемое ими, громадно—300000 дес.; онѣ уже успѣли порости молодымъ березнякомъ, а кое гдѣ осинникомъ и листвягомъ, среди которыхъ возвышаются отдѣльныя „стреженья" стволы старыхъ обгорѣлыхъ лиственницъ. *Гари по своимъ естественно-историческимъ условіямъ,*—я не касаюсь успокій экономическихъ, *были бы вполнѣ пригодны для заселенія,* если-бы не возбуждали очень сильныхъ сомнѣній факторы климатическіе"....

А г. Шульга дѣлаетъ такой выводъ:

„Учитывая всѣ эти общія и частныя неблагопріятныя условія Чуно-Ангарскаго хозяйства (относительно короткое лѣто, плохіе сѣнокосы, обиліе „гнуса") приходится придти къ тому заключенію, что *прогрессированіе именно земледѣльческой его отрасли должно итти очень медленно и очень постепенно слѣдовать за общимъ развитіемъ экономическихъ условій края.* Болѣе или менѣе рѣзкія измѣненія могутъ сопровождаться рѣзкими и часто раззорительными кризисами какъ для старыхъ, уже сложившихся, хозяйственныхъ единицъ, такъ особенно и для новыхъ, несомнѣнно менѣе приспособленныхъ, такъ сказать, къ мѣстнымъ условіямъ переселенческихъ хозяйствъ".

Въ 4-хъ, въ 1909 году работы по образованію переселенческихъ участковъ въ Чуно-Ангарьѣ были продолжены въ виду того обстоятельства, что на указанныхъ г. Шеромъ и подвергнутыхъ съемкѣ площадяхъ *всѣ переселенческіе участки были запроектированы и проведены черезъ временную комиссію производителемъ работъ г. Орловымъ*—(ученымъ агрономомъ), признавшимъ въ своихъ проектахъ возможность заселенія запроектированныхъ имъ участковъ.

Въ 5 хъ, въ виду необычайно сильнаго движенія переселенцевъ въ 1908 и 1909 годахъ въ Енисейскую губернію и невозможности предвидѣть, какой высоты напряженія достигнетъ человѣческій потокъ искате-

лей „землицы“ и какія требованія будутъ предъявлены къ мѣстной переселенческой организаціи, послѣдней ничего не оставалось дѣлать, чтобы не быть застигнутой врасплохъ, какъ продолжать заготовку участковъ въ томъ-же районѣ и въ 1910 году и отработать его въ 1911, тѣмъ болѣе, что участки послѣднихъ 3-хъ лѣтъ, въ качественномъ отношеніи являлись не хуже тѣхъ, которые были проведены черезъ временную комиссію ученымъ агрономомъ Орловымъ.

Въ 6-хъ, наконецъ, для того, чтобы судить и имѣть представленіе о составѣ земельныхъ и лѣсныхъ угодій и о площади ихъ, вѣдь необходимо было ихъ привести въ извѣстность, т. е подробно снять на планы, чего не могла дать ни одна работавшая тамъ почвенно-ботаническая экспедиція. Ну, а коли была произведена подробная съемка земель, то образованіе переселенческихъ и запасныхъ участковъ, хотя бы въ видѣ пробнаго мѣропріятія, являлось едва-ли необходимымъ послѣдствіемъ съемочныхъ работъ, чтобы лучше градировать естественно-историческія условія отдѣльныхъ площадей и конкретизировать степень удобности для заселенія ихъ и для выясненія наилучшаго распредѣленія сѣти дополнительныхъ работъ и мѣропріятій (гидротехническихъ, дорожныхъ и др.).

Въ отношеніи же самыхъ участковъ Чуно-Ангарскаго таежнаго района можно сказать, что среди нихъ есть участки, (придерживаясь принятой краткой терминологіи) „легкіе“, „средней трудности“ и „трудные“; причемъ изъ числа послѣднихъ есть такіе, которые быть можетъ слѣдовало бы образовать не переселенческими, а запасными или совсѣмъ не образовывать, но это уже—дѣло не системы завѣдыванія переселенческаго управленія, а индивидуальныхъ взглядовъ авторовъ проектовъ такихъ участковъ и временныхъ комиссій (внѣвѣдомственныхъ учрежденій).

Конечно, „отъ добра добра не ищутъ“, говоритъ пословица, и если-бы къ 1908 году—началу колониза-

ціонныхъ работъ въ Чуно-Ангарьѣ—были-бы на лицо въ сколько нибудь значительномъ количествѣ безспорно свободныя и удобныя для заселенія площади въ болѣе южныхъ и близкихъ къ желѣзной дорогѣ районахъ, то, вѣроятно, центръ землеотводныхъ работъ былъ-бы сдвинутъ на сѣверъ позднѣе и такіе таежные районы, какъ Чуно-Ангарскій, Чуно-Онской, Кетскій и Кетско-Сочурскій очень долго еще не увидѣли-бы топографа, и мирно жировавшій сохатый не былъ-бы напуганъ непрошенными гостями. Но въ томъ-то и суть, что къ указанному времени всѣ болѣе или менѣе цѣнныя въ сельско-хозяйственномъ отношеніи мѣстности въ казенно-свободныхъ земляхъ были уже использованы для колонизаціи, и если были еще—и притомъ въ огромномъ количествѣ—легкія для разработки земли, то только въ предѣлахъ землепользованія крестьянъ-старожиловъ, отъ которыхъ хотя и производились частичные отрѣзы, но, 1-хъ, въ незначительныхъ по сравненію съ колонизаціонной нуждой размѣрахъ, а во 2-хъ, эти отрѣзы до такой степени осложняли дѣло спѣшной заготовки потребнаго числа переселенческихъ участковъ своею процессуальной стороной, вызывали такую массу жалобъ со стороны старожильческаго насепенія (до Сената включительно), что не только мѣстныя, но и центральныя власти стали смотрѣть на подобныя изъятія излишнихъ земель отъ сибиряковъ, внѣ окончательнаго землеустройства, какъ на весьма нежелательное и крайне непріятное явленіе.

IX.

Убѣжденіе, что Сибирь самимъ Господомъ Богомъ предназначена для безпредѣльной колонизаціи, мы вынесли еще со школьной скамьи. Увѣренность въ сибирскомъ многоземельи стала такимъ общимъ мѣстомъ, что безъ всякой провѣрки ставится въ уголъ зрѣнія многихъ экономическихъ теорій и даже служитъ подосновою экономической политики нашего оте-

чества. Между тѣмъ, на нашихъ глазахъ назрѣваетъ такое явленіе, которое заставляетъ сильно задуматься и, повидимому, готово свидѣтельствовать объ условности понятія о неисчерпаемой емкости Сибири вообще и въ частности Енисейской губерніи.

Пословица про „великую Өедору" можетъ цѣликомъ быть отнесена на счетъ моей родины. Много площади, но очень мало (не болѣе одной десятой части ея) удобныхъ для колонизаціи земель.

Конечно, и «мало»—понятіе относительное. Если въ Енисейской губерніи надѣлить землею тѣхъ, кто дѣйствительно въ ней нуждается, или кто ее обрабатываетъ личнымъ трудомъ, то смѣло можно сказать, что еще не одинъ милліонъ десятинъ цѣнныхъ земель могъ бы быть использованъ для цѣлей колонизаціи. Даже простой ариөметическій подсчетъ даетъ въ этомъ отношеніи весьма внушительныя и любопытныя цифры.

Выше уже было сказано, что въ числѣ учтенныхъ при поземельномъ устройствѣ надѣльныхъ душъ заключается отъ 25 до 55 проц. лицъ, фактически не только незанимающихся земледѣліемъ, но и на двѣ трети отсутствующихъ. Если мы возьмемъ среднее число такихъ единицъ—40 проц. и помножимъ сначала на число старожильческихъ селеній (не считая инородческихъ и казачьихъ), а затѣмъ—на средній надѣлъ по уѣзду, то получимъ слѣдующія цифры:

Въ Красноярскомъ уѣздѣ въ поземельномъ отношеніи устроено 149 старожильческихъ селеній съ населеніемъ въ 45395 душъ м. п (не считая казаковъ и переселенцевъ); 40 проц. этого числа незанимающихся земледѣліемъ составитъ 18158 душъ; умножая это количество душъ на средній по уѣзду земельный надѣлъ вмѣстѣ съ лѣснымъ—(16,355 дес.), мы получимъ солидную площадь—*въ 296883,3 дес. удобныхъ земель*, находящихся въ распоряженіи старожиловъ въ качествѣ, какъ-бы, преміи.

Въ Минусинскомъ уѣздѣ всего старожильческихъ селеній устроено 163, съ населеніемъ (не считая переселенцевъ, инородцевъ и казаковъ) въ 65.321 душу; 40 проц. этого числа составитъ 26,128 душъ; умножая это количество на средній по данному уѣзду надѣлъ (16,07 дес.), получаемъ площадь тѣхъ же *„премированныхъ“ земель въ 419876,9 десят.*

Эти цифры, заставляющія сами по себѣ задуматься надъ ихъ скрытымъ значеніемъ, еще лишній разъ показываютъ—насколько правъ г. Комаровъ въ своемъ утвержденіи объ обезземеленіи переселенческимъ управленіемъ старожильческаго населенія и о развитіи „антагонизма на аграрной почвѣ между переселенцами и старожилами“. На провѣрку вѣдь выходитъ чуть-ли не наоборотъ: чины переселенческаго управленія не только не обезземелили крестьянъ-сибиряковъ, а относились къ ихъ земельнымъ интересамъ въ высшей степени бережно и, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ излишне снисходительно. Но, къ сожалѣнію, эта снисходительность и глубокое вниманіе къ земельнымъ запросамъ устраиваемаго старожильческаго населенія никому, пожалуй, кромѣ исполнителей землеустроительныхъ работъ, неизвѣстны, и врядъ-ли правильно оцѣнены и самимъ устроеннымъ населеніемъ, лишившимся все таки былого безконтрольнаго и безграничнаго простора и получившаго все же опредѣленныя нормы землепользованія; а такимъ поверхностнымъ обличителямъ, какъ авторъ „Правды о переселенческомъ дѣлѣ“, то-же заботливое отношеніе къ земельнымъ нуждамъ старожиловъ дало возможность говорить печатно о какомъ то недопустимомъ обезземеленіи ихъ и даже злословить на счетъ зависти крестьянъ Минусинскаго уѣзда“ къ тѣмъ мериносамъ фирмы „Алексѣевъ и К-⁰“, которые, гордясь своей тонкорунностью, мирно паслись на разработанныхъ старожильческихъ пашняхъ и сѣнокосахъ“.

Между тѣмъ поземельно-устроительныя работы

крестьянъ-старожиловъ годъ отъ года не только стѣсняли заготовку переселенческихъ участковъ изъ земель совмѣстнаго пользованія казны и крестьянъ, но и способствовали, въ концѣ-концовъ, полному прекращенію въ такихъ земляхъ землеотводныхъ работъ по закону 13 іюня 1893 года; вслѣдствіе чего и пришлось направить колонизаціонныя работы въ сѣверные таежные районы казенно-свободныхъ земель. И если таежные не только „трудные", но и „легкіе" участки въ подавляющемъ количествѣ до сего времени не заселяются, и колонизація Енисейской губерніи, какъ-бы, уперлась въ глухую стѣну, то изъ этого еще нельзя заключать, какъ это дѣлаетъ г. Комаровъ, что всѣ такіе участки совершенно непригодны для заселенія.

Приведены въ извѣстность всѣ болѣе или менѣе доступныя для заселенія площади, сдѣланъ запасъ переселенческихъ участковъ, которые, быть можетъ, очень туго, съ большой медленностью и постепенностью, и быть можетъ не всѣ, но со временемъ все-же будутъ заселены. Но при условіяхъ настоящаго времени, дѣйствительно, трудно расчитывать на заселеніе таежныхъ участковъ въ ближайшемъ будущемъ, какъ въ силу приведенныхъ уже выше причинъ и неблагопріятныхъ экономическихъ факторовъ, такъ равно еще и потому, что нынѣшній типъ переселенцевъ, идущихъ въ Сибирь въ расчетѣ на дешевый тарифъ и на казенныя „пособія", совершенно измельчалъ и негодится для прочной колонизаціи таежныхъ районовъ. Когда переселенцы этого типа говорятъ о „непригодности" таежныхъ участковъ, то это еще отнюдь не означаетъ абсолютной негодности ихъ; при надлежащемъ этническомъ и природномъ подборѣ колонизаціоннаго элемента, условія таежной или, по крайней мѣрѣ, подтаежной колонизаціи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе благопріятны, чѣмъ условія колонизаціи степныхъ районовъ, съ присущими

послѣднимъ почти хроническими засухами и страшными опустошеніями кобылки.

Въ настоящее время у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ сказать, сколько сотенъ тысячъ переселенцевъ можетъ въ будущемъ осѣсть въ таежныхъ или подтаежныхъ участкахъ Сибири, по мѣрѣ дальнѣйшаго хода разрѣженія и освѣтлѣнія тайги. Но характеръ этихъ участковъ, тяжелыя условія первоначальнаго домообзаводства и устройства, при сильномъ преобладаніи среди современной переселенческой массы элементовъ, совершенно не обладающихъ природными свойствами и навыками таежныхъ піонеровъ, позволяютъ намъ, вмѣстѣ съ лучшими знатоками Сибири, положительно утверждать, что массовому движенію переселенцевъ въ Сибирь должны быть положены предѣльныя рамки. Въ упоминаемомъ выше трудѣ А. А. Кауфмана есть ссылка на одного иностранца, К. Виденфельда, автора солидной работы, посвященной, между прочимъ, вопросу о колонизаціи Сибири, который совершенно правильно говоритъ: „кульминаціонный пунктъ сибирскаго переселенія уже достигнутъ; въ теченіе нѣкотораго времени, можетъ быть, мощная волна переселенія еще будетъ переливаться въ Сибирь; но отливъ не заставитъ себя ждать, и только слабый ручеекъ будетъ просачиваться тамъ, гдѣ теперь лишь съ величайшими усиліями удается удержать въ берегахъ бушующія волны переселенческаго движенія“.

Правда, эти волны по сравненію съ 1908—1910 г.г. теперь уже превратились въ едва замѣтную рябь, и если незамѣтно тревожнаго отлива переселенцевъ обратно изъ Сибири, то нѣтъ уже и былого стихійнаго прилива. Другой иностранецъ, О. Аугагенъ, чрезвычайно добросовѣстно изучившій условія сибирскаго хозяйства и колонизаціи, по вопросу о возможныхъ размѣрахъ и желательномъ темпѣ переселенія въ Сибирь пишетъ: „надо считаться съ тѣмъ обстоятель-

ствомъ, что землеотводныя работы проникаютъ все глубже въ дебри лѣсисто-болотистой полосы Сибири, а въ этой полосѣ нѣтъ возможности разомъ заселять произвольно большихъ количествъ земли. Вновь образуемый переселенческій участокъ не можетъ быть слишкомъ удаленъ отъ базиса, представляемаго болѣе ранними поселеніями,—иначе легко можетъ случиться, что переселенецъ, не имѣющій долгіе годы по водвореніи собственнаго хлѣба, въ теченіе долгой зимы отрѣзанный отъ всего остального міра, впадаетъ въ крайнюю нужду, если только ему не удастся окончательно бѣжать въ такія мѣста, гдѣ бѣднякъ можетъ разсчитывать на помощь болѣе зажиточнаго".

Дѣйствительно, нельзя не согласиться, какъ съ только что приведенными замѣчаніями иностранныхъ наблюдателей, такъ равно и съ выводами по этому же вопросу нашего соотечественника, цитированнаго уже выше, большого знатока колонизаціоннаго дѣла, А. А. Кауфмана, который полагаетъ, что переселеніе въ лѣсныя дебри коренной Сибири и Пріамурья должно быть сообразовано не только съ выясненными, къ каждому данному моменту, размѣрами колонизаціоннаго фонда, но главное—*съ широтою того колонизаціоннаго базиса*, на который можетъ опереться дальнѣйшее заселеніе. Заселеніе таежныхъ и урманныхъ пространствъ должно подвигаться, такъ сказать, уступами; колонизація каждаго отдѣльнаго района, сколько бы тамъ ни было найдено удобныхъ земель и нарѣзано участкавъ, можетъ и должна итти лишь съ такою постепенностью, при которой вновь возникающіе въ заселяемой въ данное время полосѣ переселенческіе поселки имѣли-бы достаточно крѣпкую и широкую опору въ ранѣе возникшихъ и успѣвшихъ уже окрѣпнуть старожильческихъ или переселенческихъ селеніяхъ. Для Енисейской губерніи это выразилось-бы, примѣрно, въ такой схемѣ: сначала долженъ быть возможно полнѣе насыщенъ засельниками Онской таежной районъ Канскаго уѣзда—

(съ сильнымъ центромъ въ с. Долго-Мостовскомъ, или Шелаевскомъ) и Улуе-Кемчугскій и Зачулымскій Ачинскаго уѣзда, затѣмъ—во второй очереди—сѣверная часть Тасѣевской волости Канскаго уѣзда, съ образованіемъ изъ с. Тасѣева уѣзднаго города), Кетскій и Ангаро-Енисейскій районы, Енисейскаго у. (съ образованіемъ тоже уѣзднаго города изъ села Казачинскаго); наконецъ, въ третьей очереди должны стоять переселенческіе участки таежныхъ районовъ—Чуно-Онскаго, Чуно-Ангарскаго, Канскаго у. и Карабульскаго, Заангарскаго и Кетско-Сочурскаго, Енисейскаго уѣзда.

„Если колонизація таежныхъ и урманныхъ пространствъ будетъ итти шире, чѣмъ это допускаетъ широта подведеннаго подъ нее предыдущею колонизаціею базиса, говоритъ А. А. Кауфманъ,—если, иначе сказать, та или другая полоса тайги начнетъ заселяться раньше, чѣмъ успѣетъ окрѣпнуть колонизація полосы, заселявшейся передъ тѣмъ, или если численность вновь водворившагося населенія будетъ болѣе того, что можетъ найти себѣ хлѣбъ, инвентарь и заработки въ уже окрѣпшихъ, болѣе раннихъ поселеніяхъ, а тѣмъ болѣе, если переселенцы массами будутъ водворяться въ глухой тайгѣ, совершенно отрѣзанной отъ колонизаціонныхъ уже районовъ, то это приведетъ къ неминуемому, непомѣрному повышенію цѣнъ на хлѣбъ и на другіе продукты продовольствія, на живой инвентарь, на сѣмена и т. д.,—а то и къ совершенной невозможности достать необходимое для новыхъ переселенцевъ; столь же неминуемо это приведетъ къ совершенному обезцѣненію рабочихъ рукъ, или къ совершенно невозможности для новыхъ переселенцевъ, достать какіе либо заработки. И этотъ колонизаціонный базисъ не можетъ быть замѣненъ *никакою* государственною помощью, *никакимъ* правительственнымъ попеченіемъ о переселенцахъ; всякая колонизаціонная постройка, несоразмѣренная съ его широтою и крѣ-

постью, будетъ неминуемо обречена на упадокъ и разореніе".

Совершенно вѣрно. Подъ этими словами можно подписаться обѣими руками и надъ ними слѣдуетъ серіозно подумать и даже задуматься. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, если не создавать искусственно крупныхъ населенныхъ центровъ въ таежныхъ районахъ, которые могли бы обезпечить засельникамъ тайги надежные рынки; или, если не придерживаться указанной выше планомѣрности въ дѣлѣ колонизаціи пустующихъ нынѣ отдѣльныхъ таежныхъ районовъ, а посылать переселенцевъ выбирать лучшіе по качеству отдѣльные участки, нерѣдко удаленные одинъ отъ другого на десятки верстъ, то неудача такой системы не заставитъ себя ждать и самыя дорогія культурныя, но частичныя, по участковыя мѣропріятія еще долго не достигнутъ намѣченной цѣли.

Вотъ, въ силу какихъ, болѣе общихъ и болѣе глубокихъ причинъ остаются до сихъ поръ незаселенными переселенческіе участки—Чуно-Ангарья и Карабульскаго района, независимо отъ ихъ естественныхъ качествъ.

X.

Когда я прочиталъ книжку г. Комарова, названную имъ въ пылу увлеченія одной лишь „Правдой о переселенческомъ дѣлѣ", то невольно пожалѣлъ хорошую и благодарную тему, совершенно испорченную полнымъ отсутствіемъ въ этой книжкѣ объективной правды, и—наоборотъ—убѣдился, что эта книжка такъ сочно напоена личнымъ озлобленіемъ противъ многихъ отдѣльныхъ лицъ и желаніемъ во что-бы то ни стало дискредитировать ихъ служебную дѣятельность, что авторъ ея, повидимому, не только совершенно закрылъ глаза на дѣйствительность, но и капли доподлинной правды разбавилъ цѣлыми бочками натяжекъ, подтасовокъ и даже завѣдомыхъ измышленій,

окрасивъ все это „крошево" въ самый мрачный безнадежный, угнетающій душу цвѣтъ; совершенно умолчалъ о положительныхъ цѣнностяхъ дѣятельности переселенческаго управленія и выставилъ на показъ одни лишь частные случаи и промахи отдѣльныхъ лицъ, съ легкимъ сердцемъ обобщивъ ихъ въ какую-то уродливую и вредную для страны систему и безхозяйственность.

Но, позвольте, г. почтенный разоблачитель, вѣдь, если въ такомъ огромномъ дѣлѣ, какъ переселенческое или землеустроительное, имѣли мѣсто, имѣютъ и, конечно, будутъ имѣть ошибки и промахи, то нужно-ли этому удивляться, и какая необходимость перебирать и переворачивать ихъ на протяженіи пяти лѣтъ?..

Однако, есть же и безспорныя обще-признанныя, государственно-необходимыя цѣнности, данныя или обслуженныя приговореннымъ вами къ смерти переселенческимъ управленіемъ.

Не говоря уже о всей Сибири, въ которой нашли пріютъ и прочно устроены многіе милліоны душъ переселенцевъ и старожиловъ, но и въ Енисейской губерніи до сего времени не мало сдѣлано, а именно:

1) въ двухъ уѣздахъ получили окончательное землеустройство 338 старожильческихъ селеній, съ населеніемъ въ 117115 душъ м. п. (не считая казаковъ и переселенцевъ) на площади одной только удобной земли—1943458 десятинъ;

2) образовано по 1 января 1912 года переселенческихъ участковъ 1645 съ площадью въ 4.153,787 дес., на 250920 душев. надѣловъ и 1420—семейныхъ; и 215 запасныхъ участковъ съ площадью 559387 дес;

3) водворено переселенцевъ 138174 на общинныхъ участкахъ и 25 семей на хуторскихъ, зачислено 29757 на общин. и 8 семей на хуторскихъ; исключено изъ фонда—(по неразрѣшенности еще протестовъ и жалобъ, по бездорожности, по безводности, по распоряженію центральной власти и по незаконченности

техническихъ работъ)—27411 долей на общ. участкахъ и 923 семейныхъ надѣла на хуторскихъ участкахъ; оставалось свободными къ 1-му января 1912 года—57358 долей и 464 семейныхъ надѣла;

4) построено телѣжныхъ дорогъ между переселенческими участками на протяженіи 2150 верстъ;

5) Красноярскимъ церковно школьнымъ строительнымъ комитетомъ, при посредствѣ переселенческаго управленія, открыто въ губерніи 33 прихода, построено 19 церквей съ причтовыми домами, 1 церковь безъ причтоваго дома, 10 церковно-приходскихъ школъ и 13 церквей съ причтовыми домами еще не закончены;

6) устроено и оборудовано 16 врачебныхъ и 28 фельдшерскихъ пунктовъ на 375 коекъ; причемъ построено 18 больницъ, изъ нихъ 15 на врачебныхъ и 3 на фельдшерскихъ пунктахъ.

Неужели, все это, только что перечисленное,—такая мелочь, о которой г. Комаровъ ничего не знаетъ и ничего не слыхалъ?

Въ самомъ дѣлѣ, какое надо имѣть страстное желаніе во что бы то ни стало опорочить многолѣтнія работы и дѣятельность мѣстной переселенческой организаціи въ одномъ изъ общирнѣйшихъ районовъ, чтобы стараться находить въ этой дѣятельности всюду однѣ только тѣневыя стороны, выискивать какія-то серіозныя опущенія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и даже и быть не можетъ. Какъ на яркій примѣръ такого старанія, укажу еще на одинъ жалкій и ничтожный выпадъ г. Комарова.

На стр. 135-й разсмотрѣнной книжки авторъ ея много говоритъ о картѣ Енисейской губерніи, составленной чинами мѣстной землеотводной партіи въ 24-верстномъ масштабѣ (а не 23-верстномъ, какъ сказано въ книжкѣ), изданной въ 1910 году, и еще больше говоритъ о приложенномъ къ этой картѣ „Спискѣ переселенческихъ и запасныхъ участковъ, образованныхъ

въ Енисейской губерніи съ 1893 по 1009 годъ включительно". О внѣшнемъ видѣ карты г. Комаровъ въ общемъ отзывается одобрительно, и лишь сомнѣвается на счетъ ея точности; о „спискѣ"-же пишетъ слѣдующее:

„Но вотъ „списокъ", тотъ наводитъ на размышленія менѣе радужнаго характера; назначеніе его несомнѣнно иллюстрировать, такъ сказать, карту, дополнять и пояснять то, что нельзя выразить на картѣ. И что же? Въ спискѣ мы видимъ номерацію и названія участковъ—это великолѣпно; видимъ и годъ образованія участка—это тоже очень хорошо".

— Ну, такъ въ чемъ-же, спрашивается, заключаются ваши не „радужныя" размышленія, чего вы еще хотите отъ „списка", составленнаго спеціально для поясненія *только* названій участковъ, обозначенныхъ на картѣ (по недостатку мѣста и во избѣжаніе ненужной пестроты)—однѣми лишь цифрами порядковой нумераціи?—невольно хочется задать вопросъ автору. И представьте себѣ, читатель, изъ-за чего и какъ бракуется „списокъ":

„Но изъ того-же списка мы никакъ не можемъ усмотрѣть, на сколько душъ нарѣзанъ каждый участокъ *и сколько въ немъ ко дню составленія „списка"*—(20 декабря 1909 г.) *ихъ проживало*, не говоря о тѣхъ, на которыхъ и по настоящее время никто не живетъ, не смотря на давность ихъ отвода".

Если-бъ это написалъ какой-нибудь круглый невѣжда, который взялся бы критиковать то, чего онъ совершенно не понимаетъ, это было-бы неудивительно, —но вѣдь это обдумывалъ, писалъ и печаталъ бывшій лѣсной ревизоръ, который долженъ же имѣть понятіе о томъ, какъ издаются справочныя картографическія изданія, о томъ, что всякое поясняющее карту приложеніе, расчитанное на долговременное употребленіе, не должно заключать въ себѣ никакихъ *переходящихъ* и каждодневно-мѣняющихся свѣдѣній и вообще ничего

лишняго. Вѣдь когда составлялся списокъ, то, напримѣръ, участки 1909 года даже не были еще приняты временными комиссіями, т. е. на нихъ не могло быть даже начато зачисленіе переселенцевъ; о ходѣ же зачисленія переселенцевъ на участкахъ 1908 года были свѣдѣнія лишь по 1 іюля 1909 г.;—когда-же карта и списокъ были отпечатаны въ картографическомъ заведеніи Ильина въ Петербургѣ и были получены къ осени 1910 года въ Красноярскѣ, то двѣ трети участковъ 1908 года и половина участковъ 1909 го г. были уже заселены, и, слѣдовательно, картина заселенія участковъ совершенно не соотвѣтствовала бы тѣмъ цифрамъ, которыя, какъ полагаетъ г. Комаровъ, необходимо было помѣстить въ вышеназванномъ спискѣ участковъ. Но этого мало: посмотрите, что пишетъ грозный обличитель дальше:

„Я понимаю, что для переселенческаго управленія дать эти свѣдѣнія значило—раскрыть свои работы во всей ихъ неприглядной наготѣ (?!); но вѣдь нельзя-же не согласиться съ тѣмъ, что безъ этихъ дополнительныхъ данныхъ вся эта копотливая (?!) и, надо признаться, трудная работа, съ красиво иллюминованной картой и спискомъ, *теряетъ всякій свой смыслъ и равна нолю*“...

Подумайте, читатель, каково читать такой безжалостный уничтожающій приговоръ, такую безпощадную строго обоснованную критику... Конечно, можно бы осмѣлиться робко возразить почтенному обличителю, что какъ-же такъ: съ одной стороны „копотливая“, трудная и, видимо, хорошо выполненная работа, а съ другой—она превратилась въ ничто, сдѣлилась равной „нолю“ только и единственно потому, что переселенческое управленіе, должно быть стыдясь своей подмѣченной авторомъ „неприглядной наготы“, не помѣстило въ „спискѣ“ участковъ числа водворившихся на нихъ переселенцевъ, не помѣстило количества душъ женскаго пола, количества скота, сельско хо-

зяйственныхъ орудій, размѣровъ полученныхъ ссудъ и т. п. Дѣйствительно все это интересныя цифры, но... тогда-бы не списокъ былъ приложеніемъ къ картѣ, а наоборотъ.

Но такъ или иначе, а пока, строгій изобличитель, взглянувъ на вышеназванную карту, авторитетно сказалъ: „ничто“, и вглядѣвшись въ приложенный къ ней списокъ, тоже сказалъ: „ничто“, не смотря на красивую внѣшность. И вотъ по этому случаю онъ весьма счастливо пронизируетъ:

„.... И я не могу не сознаться, что вся эта исторія въ значительной степени напомнила мнѣ давно слышанную, или гдѣ-то читанную исторію про осла, который, желая придать себѣ блестящій видъ, натянулъ на себя львиную шкуру и въ такомъ видѣ появился передъ публикой. Къ сожалѣнію, бѣдное животное, сгибаясь подъ тяжестью львиной шкуры и, закрывши ею все тѣло, никакъ не могло скрыть отъ глазъ другихъ свои, не въ мѣру длинныя уши, и за обманъ было вздуто палками. Соотношенія прямого къ картѣ и списку это, конечно, не имѣетъ и я право не знаю, почему мнѣ вспомнилась именно эта исторія, а не другая“, недоумѣваетъ авторъ.

Я тоже, признаться, не вижу ничего общаго между разсказанной исторіей про осла и картой со спискомъ, хотя-бы и равнымъ „нолю“. Но прочтя это веселое мѣсто и попадая въ тонъ почтенному автору, я вспомнилъ именно другую исторію,—или вѣрнѣе—примѣръ изъ логики—про „Буриданова осла“, который стоялъ между... чашкой воды и вязанкой сѣна и думалъ: „я хочу ѣсть, какъ-же я повернусь къ водѣ? А глядя на сѣно, сказалъ: „я хочу пить, какъ-же я повернусь къ сѣну?“. И умеръ, бѣдняжка, не напившись и не наѣвшись

XI.

Связавши, зачѣмъ-то, также просто, какъ разска-

занный выше анегдотъ съ картой, пріѣздъ въ г. Красноярскъ протоіерея о. Восторгова съ другой составленной въ мѣстномъ землеотводномъ отдѣлѣ картой переселенческихъ участковъ, съ показаніемъ степени ихъ заселенности, авторъ „Правды о переселенческомъ дѣлѣ" этимъ заканчиваетъ свои добродушно-шутливые анегдоты изъ дѣйствительной (будто бы) жизни переселенческой эпопеи" и переходитъ *къ выводамъ*.

Прежде всего ставится въ вину главному переселенческому управленію полная неподготовленость его „къ постановкѣ работъ въ широкихъ размѣрахъ, благодаря *отсутствію опытныхъ техническихъ силъ*—съ одной стороны и неимѣніемъ предварительныхъ *цифровыхъ данныхъ о томъ, куда и сколько намѣревается* (!?) *пройти переселенцевъ—съ другой*".

Подобное обвиненіе не стоило-бы и опровергать, такъ какъ оно само по себѣ есть, въ сущности говоря, обвиненіе не обвиняемаго, а самого обвинителя, которому стыдно не знать, что *въ такомъ слишкомъ общемъ недостаткѣ, какъ „отсутствіе опытныхъ техническихъ силъ", ни главное, ни мѣстное переселенческое управленіе ни въ какой степени не повинно*, ибо для постановки землеотводныхъ работъ въ Сибири, да еще «въ широкихъ размѣрахъ», необходимы были цѣлыя сотни землемѣровъ, которыхъ, да еще „опытныхъ" нельзя же печь, какъ блины, съ безотвѣтственной легкостью „добродушно-шутливыхъ анегдотовъ",—для созданія необходимаго кадра межевыхъ техниковъ понадобились-бы цѣлые года и громадныя средства. Но вѣдь авторъ знаетъ, что и въ этомъ отношеніи переселенческое управленіе сдѣлало героическія усилія, и если не вполнѣ „опытныхъ" (эта роскошь пока не по плечу Россіи), то все-же достаточно свѣдующихъ техниковъ въ потребномъ количествѣ, благодаря многочисленнымъ „курсамь", дало въ невѣроятно короткій срокъ.

Что же касается отсутствія у главнаго переселенческаго управленія цифровыхъ данныхъ о „намѣреніяхъ" переселенцевъ, то слыхалъ я отъ одного пріятеля, что эта мысль давно безпокоила лучшихъ работниковъ вѣдомства и однимъ изъ нихъ былъ составленъ даже проектъ учрежденія особаго по данному предмету „бюро", для завѣдыванія которымъ предполагалось пригласить какого нибудь „опытнаго" статскаго совѣтника и кавалера, но... проектъ этотъ, къ сожалѣнію, осуществленія не получилъ.

Результатомъ только-что приведеннаго упущенія, по мнѣнію автора, явилось:

„Полное отсутствіе планомѣрности въ работахъ—во-первыхъ; плохое качество работъ—во-вторыхъ, и невозможность болѣе или менѣе обстоятельнаго предварительнаго изслѣдованія мѣстностей, гдѣ предполагалось поставить работы—въ третьихъ".

На счетъ „планомѣрности"—что и говорить... ее было, дѣйствительно, маловато.. Вотъ если-бы всю Енисейскую губернію снять на планъ, составить точную въ 2-верстномъ масштабѣ карту—(чѣмъ теперь—кстати сказать—занятъ, между прочимъ, мѣстный астрономо-геодезическій отдѣлъ, подъ руководствомъ Г. П. Полонскаго), изслѣдовать губернію въ почвенномъ, ботаническомъ, статистическомъ и другихъ отношеніяхъ, окончательно надѣлить землею старожиловъ, а затѣмъ подсчитать „намѣренія" всѣхъ желающихъ поселиться въ Сибири и гдѣ именно, нарѣзать участки въ строго необходимомъ количествѣ и въ соотвѣтствіи съ желаніемъ каждаго переселенца,—вотъ тогда бы получилась идеальная планомѣрность, хотя, впрочемъ, на нее и пришлось бы потратить многіе десятки лѣтъ. А то въ самомъ дѣлѣ, какая-же это планомѣрность работъ, когда сперва придутъ переселенцы, а затѣмъ образуй имъ участки.. То-ли было-бы дѣло сначала узнать „намѣренія" латышей, эстонцевъ или нашихъ „лапотниковъ", что-ли, о томъ, что они

намѣрены, скажемъ, захватить Базайскую, или Канскую лѣсную дачу; и такъ какъ лѣсное вѣдомство не отдало бы ихъ добровольно для самовольнаго захвата, то потребовалось-бы вызвать дивизію солдатъ, оцѣпить дачи, поставить на всѣхъ дорожкахъ по пулемету и поджидать ихъ, голубчиковъ... Конечно, можно было бы для торжества „планомѣрности“ не пускать вовсе переселенцевъ въ Сибирь, поставивши надежный заслонъ на Уралѣ, но эта мѣра, по нынѣшнимъ временамъ, непригодная.

„Плохое качество работъ“... Но что-же дѣлать, если на должности топографовъ не идутъ не только межевые инженеры, но и землемѣры по образованію.

„Невозможность обстоятельнаго изслѣдованія мѣстностей“, вопреки утвержденію г. Комарова, совсѣмъ не вытекала изъ „неподготовленности“ переселенческаго управленія: строго необходимыя, сообразованныя съ размѣрами и нуждами дѣла, изслѣдованія были произведены—(о нихъ упоминаетъ и самъ авторъ).

„Отводъ участковъ съ непригодною для сельскаго хозяйства почвою, съ отсутствіемъ воды или водою непригодною для питья“, и т. д., и т. п.

На подобныя голословныя обвиненія, въ виду всего вышесказаннаго, отвѣчать нѣтъ никакой охоты.

Въ концѣ концовъ, г. Комаровъ подводитъ итоги дѣятельности уничтоженнаго имъ вѣдомства. И я, слѣдуя той-же пунктуаціи автора, позволю себѣ заявить:

1. Такъ называемая „бродячая Русь“ у насъ существуетъ очень давно и навѣрно никогда совершенно не исчезнетъ; и если „она“ массами не устроилась на участкахъ и не приписалась къ старожильческимъ селеніямъ, то виноваты здѣсь, главнымъ образомъ, природа и старожилы, но не переселенческое управленіе.

2. Были случаи „бѣгства“ переселенцевъ съ участковъ, но въ этомъ нѣтъ ничего необычайнаго: бѣгутъ отъ „случайнаго недорода, „гнуса“, хищныхъ звѣрей, лѣсного пожара, отъ неумѣнья приспособиться къ су-

ровой природѣ, даже отъ скуки по родинѣ. . Но это — лишь печальныя исключенія, обобщать которыя нельзя.

3. Обратное движеніе переселенцевъ въ Европейскую Россію будетъ годъ отъ года все меньше и меньше и никакой опасности для „государственнаго строя" это явленіе не представляетъ.

4. Никакого антагонизма на аграрной почвѣ между переселенами и старожилами въ общемъ правилѣ не существуетъ, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда старожилы, проявивъ жадность къ „пріемнымъ деньгамъ" и къ водкѣ, напринимаютъ въ свою среду непомѣрно много „самоходовъ", которые вскорѣ становятся хозяевами положенія и безпощадно диктуютъ свою волю бывшимъ хозяевамъ, но... причемъ-же здѣсь переселенческое управленіе?..

5. Никакой, а тѣмъ болѣе „жестокой эксплоатаціи старожилами переселенцевъ", за крайне ничтожными исключеніями, не существуетъ,—это — клевета на старожильческое населеніе.

6. Никакого „*постепеннаго обнищанія* старожильческаго населенія" съ душевыми надѣлами въ 3½ дес. не зарегистрировано; это — чистѣйшій вымыселъ г. Комарова, что мною уже доказано въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ настоящей статьи.

7. Повальнаго хищническаго истребленія своихъ лѣсовъ, какъ переселенцами, такъ и старожилами не наблюдается, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, въ которыхъ виноваты само населеніе, крестьянскіе начальники и лѣсные чины, но не переселенческое управленіе.

8. „Громадные ежегодные лѣсные пожары на сотни верстъ" были, есть и будутъ въ Сибири внѣ всякаго участія въ нихъ переселенческаго вѣдомства.

9. „Полнаго разгрома того, что именуется раціональнымъ лѣснымъ хозяйствомъ" пока еще нѣтъ, а частичный разгромъ начатъ тѣмъ вѣдомствомъ, въ

которомъ служилъ самъ авторъ, о чемъ мною достаточно говорилось выше.

10. Менѣе всего виновато переселенческое управленіе въ увеличивающемся годъ отъ года „въ обмелѣніи какъ сплавныхъ рѣкъ, такъ и судоходной рѣки Енисея", на томъ простомъ основаніи, что буквально *ни одного* переселенческаго участка не образовано ни на Саянскомъ хребтѣ, ни на его предгорьяхъ, а равно и въ защитныхъ лѣсахъ, по верховьямъ сколько нибудь значительныхъ рѣкъ и рѣчекъ.

Прочитавши послѣднія три главы настоящей статьи, я вспомнилъ, что у читателя можетъ возникнуть вопросъ о дальнѣйшихъ перспективахъ колонизаціоннаго дѣла по отношенію къ сѣвернымъ таежнымъ районамъ.

Выше я уже упомянулъ о томъ, въ чемъ собственно заключались главные элементы пятилѣтней дѣятельности мѣстной переселенческой организаціи. Но несомнѣнно еще очень много предстоитъ переселенческому управленію серіозной работы по подготовкѣ къ заселенію незанятыхъ еще переселенцами участковъ, образованныхъ въ сѣверныхъ таежныхъ районахъ, въ томъ числѣ и Чуно-Ангарскомъ.

Выше также были указаны только общія для всей Сибири неблагопріятные факторы, съ которыми такъ или иначе надо считаться при колонизаціи таежныхъ и урманныхъ районовъ, и я не имѣлъ въ виду здѣсь, въ краткомъ отвѣтѣ автору „Правды о переселенческомъ дѣлѣ" исчерпывающимъ образомъ освѣщать вопроса о своевременности и необходимости колонизаціи сѣверныхъ таежныхъ районовъ Енисейской губерніи. Но для того, чтобы совершенно отойти отъ вопроса о степени цѣлесообразности образованія участковъ въ Чуно-Ангарскомъ краѣ, считаю необходимымъ въ заключеніе предыдущихъ главъ сказать еще, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что работы по образованію здѣсь переселенческихъ участ-

ковъ должны были (и, конечно, будутъ) сопровождаться цѣлымъ рядомъ другихъ работъ—по оборудованію района сѣтью необходимыхъ (кромѣ главной магистрали „Тайшетъ-Дворецъ“) второстепенныхъ дорогъ, товаро-продовольственными факторіями, остановочными пунктами, въ подлежащихъ случаяхъ расчистками площадей, гидротехническими сооруженіями и проч.; несомнѣнно также, что переселенческое управленіе не могло не имѣть въ виду возможность осуществленія здѣсь и болѣе крупныхъ и болѣе общихъ мѣропріятій, какъ, напримѣръ, проведеніе жел. дороги, оборудованіе транзитныхъ водныхъ путей (въ связи съ Обь-Енисейскимъ каналомъ), возможность пересмотра вопроса о пошлинахъ на ввозимые въ губернію сѣвернымъ морскимъ путемъ необходимые для края иностранные товары и облегченіи сбыта на заграничные рынки мѣстныхъ хлѣбныхъ грузовъ и т. д. и т. п.

И если въ настоящее время имѣются въ данномъ краѣ только переселенческіе участки, до которыхъ теперь не дохлестывается переселенческая волна, да двѣ грунтовыхъ дороги („Тайшетъ—Дворецъ“ и „Карабульская), въ силу чего, оборудованіе участковъ даже въ дорожномъ отношеніи, а не только въ другихъ отношеніяхъ, находится еще далеко отъ конца, а вопросъ объ обширныхъ экономическихъ мѣропріятіяхъ только ставится на очередь,—то это объясняется, какъ я полагаю, значительнымъ сокращеніемъ переселенческаго движенія въ Сибирь, которое какъ-бы позволяетъ ждать и съ дальнѣйшимъ оборудованіемъ участковъ и съ экономическими широкими мѣропріятіями, и быть можетъ дѣйствительно ждать постепенной отработки таежныхъ районовъ исчерпывающимъ образомъ, а слѣдовательно, и заселять таковые по мѣрѣ ихъ подготовки.

Заканчивая настоящую статью, я позволю еще себѣ, въ противовѣсъ умышленному со стороны г. Комарова замалчиванію положительныхъ результатовъ

дѣятельности переселенческаго управленія, коснуться вкратцѣ экономическаго положенія переселенцевъ въ Сибири, на основаніи чрезвычайно интересныхъ матеріаловъ статистическаго обслѣдованія типичныхъ переселенческихъ поселковъ, собранныхъ и разработанныхъ подъ руководствомъ и редакціею В. К. Кузнецова.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что означенное обслѣдованіе было предпринято въ 1911—1912 г.г. Главнымъ Управленіемъ Землеустройства и Земледѣлія, согласно пожеланію бюджетной комиссіи Государственной Думы 3-го созыва, и коснулось 447 поселковъ, съ населеніемъ въ 31984 семьи, въ Западной Сибири (уѣзды Акмолинскій и Омскій, Акмолинской обл., Тюкалинскій, Тарскій и Туринскій, Тобольской губ.) и Восточной Сибири (уѣзды Ачинскій, Красноярскій и Канскій, Енисейской губ. и Нижнеудинскій, Балаганскій и Верхоленскій, Иркутской губ).

На основаніи данныхъ этого обслѣдованія сдѣланы слѣдующіе главные выводы *).

Переселенцы во всѣхъ полосахъ Сибири (степи, лѣсо-степи и тайгѣ) въ общемъ прочно осѣдаютъ на отведенныхъ надѣлахъ. Случаи ухода водворенныхъ съ участковъ незначительны и вызываются, по объясненію самихъ переселенцевъ, посторонними причинами, не указывающими на непригодность надѣловъ для успѣшнаго веденія хозяйства.

Экономическое положеніе переселенцевъ въ Сибири значительно улучшилось по сравненію съ положеніемъ ихъ на родинѣ.

Размѣры землевладѣнія новоселовъ въ Сибири увеличились противъ бывшихъ на родинѣ почти въ 9 разъ (теперь на средній переселенческій дворъ прихо-

*) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній“, стр. X и XI, изд. Перес. Упр. 1912 г.

дится надѣльной земли 38,3 дес., а на родинѣ было 4,5 дес.)

Хозяйство переселенцевъ въ среднемъ на родинѣ состояло изъ 2,4 дес. посѣва и 0,6 дес. сѣнокоса, въ Сибири же оно расширилось до 5,4 дес. посѣва и 6,1 дес. сѣнокоса.

Въ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ, средній уровень экономическаго благосостоянія переселенцевъ значительно повысился. При выходѣ съ родины средній переселенческій дворъ имѣлъ наличныхъ денегъ и другого имущества на сумму 239 руб., въ Сибири же чистый капиталъ средняго двора опредѣляется въ 466 руб.

Такимъ образомъ переселенцы доходами отъ своего хозяйства въ Сибири не только поправили всѣ свои путевыя издержки по переселенію, но и увеличили почти вдвое тотъ капиталъ, которымъ владѣли на родинѣ.

Дѣйствительный ростъ благосостоянія переселенцевъ въ Сибири однако еще значительнѣе. При водвореніи и приступѣ къ хозяйству на отведенныхъ надѣлахъ размѣръ капитала средняго двора составлялъ 161 руб., по сравненію съ которымъ капиталъ по даннымъ переписи 1911—1912 г.г. (466) увеличился, въ періодъ 11-лѣтняго въ среднемъ существованія хозяйства на участкахъ, почти втрое.

Изученіе матеріаловъ переписи показываетъ также, что хозяйство переселенцевъ развивается безпрерывно, увеличиваясь съ теченіемъ времени въ своихъ размѣрахъ. Съ каждымъ новымъ періодомъ площадь посѣва и сѣнокоса расширяется, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается количество скота, построекъ и мертваго рабочаго инвентаря и возрастаетъ степень общаго благосостоянія. Широкое же земельное обезпеченіе и уже достигнутые серьезные матеріальные результаты хозяйствованія въ Сибири служатъ гарантіей подобнаго развитія и въ будущемъ.

Во всякомъ случаѣ, уже и теперь хозяйства болѣе или менѣе окрѣпшія, существующія не менѣе трехъ лѣтъ, почти повсемѣстно даютъ избытки продуктовъ для рынка въ видѣ хлѣба и скота, оцѣниваемые въ суммы отъ нѣсколькихъ десятковъ до двухсотъ и болѣе рублей на хозяйство.

Подобные результаты получаются при сравнительно высокомъ уровнѣ удовлетворенія переселенцами собственныхъ потребностей, размѣры котораго во многихъ отношеніяхъ превышаютъ потребленіе старыхъ крестьянскихъ хозяйствъ центральныхъ губерній. А въ связи съ этимъ и физическое благосостояніе переселенцевъ стоитъ высоко, о чемъ свидѣтельствуетъ процентъ естественнаго прироста населенія, составляющій по приблизительному опредѣленію 33 человѣка, тогда какъ общеимперскій приростъ не превышаетъ 22 человѣкъ на 1000

И невольно хочется сказать:

— Какъ это мало походитъ на мрачныя и безпросвѣтныя предсказанія новоявленнаго авгура на страницахъ фальсифицированной „Правды о переселенческомъ дѣлѣ"!...

XII.

Я кончаю, хотя могъ бы—съ точными цифрами и документами въ рукахъ—еще многое опровергнуть изъ анегдотической окрошки г. Комарова. Представляя сдѣлать это другимъ, ограничиваюсь выше приведеннымъ отвѣтомъ названному автору. Но передъ тѣмъ, какъ поставить послѣднюю точку, я долженъ признаться читателю, что долго искалъ разгадки той предвзятости взглядовъ на дѣятельность одного изъ энергичныхъ вѣдомства, того упрямства въ стараніи во-что бы то ни стало обличить и опорочить эту дѣятельность, той, наконецъ, даже личной и иногда глубокой озлобленности противъ почти всѣхъ сколько-нибудь выдающихся дѣятелей переселенческаго управленія, какими дышитъ и говоритъ книжка г. Комаро-

ва. И-этой разгадки я найти не могъ, или—вѣрнѣе—отказался понимать напрашивающуюся разгадку. Въ будто-бы „Правдѣ" г. Комарова не осталось не осмѣяннымъ и не „охаяннымъ" ни одно начинаніе неоправдавшаго его надеждъ вѣдомства, ни одно дѣло, ни одна работа, даже ни одна цифра; такъ, напримѣръ, стоило г-ну Рѣзниченко дерзнуть опредѣлить количество уходящихъ съ участковъ переселенцевъ въ 6 проц., какъ г. Комаровъ острить: „... но все же очумѣть до 6 проц. было, кажется мнѣ, нѣсколько неосновательно"... Это все равно, какъ г. Рѣзниченко сострилъ-бы про автора „Правды", что онъ сильно залихорадилъ 3 съ полов.-десятиннымъ надѣломъ... Откуда, спрашивалъ я не разъ себя, такая нетерпимость къ чужому мнѣнію и непримиримая вражда ко всѣмъ, стоявшимъ въ служебномъ отношеніи выше г. Комарова? Вѣдь *чѣмъ* только не закидалъ авторъ не совсѣмъ „добродушныхъ" анегдотовъ, напримѣръ, своего бывшаго начальника І. К. Окулича, которому приписалъ самыя отталкивающія побужденія и, характеризуя его личность и дѣятельность самыми мрачными штрихами, не оставилъ въ покоѣ даже его семейной жизни... И я нисколько не удивился, когда узналъ, что посланную авторомъ І. К. Окуличу свою книжку послѣдній съ негодованіемъ вернулъ ее обратно ..

Даже вспоминая лицъ совершенно постороннихъ переселенческому дѣлу, какъ, напримѣръ, талантливаго профессора Э. К. Линдемана, тотъ-же авторъ, подъ вліяніемъ политическаго зуда, совершенно безъ всякаго основанія отнесъ къ числу людей непорядочныхъ, единственно за то, что изъ послѣдняго «получился черезъ двадцать пять лѣтъ кандидатъ отъ октябристовъ».

Подобными злобными и черезчуръ рѣзкими личными выпадами, смоченными мутной водой празднаго пустословія, пестритъ разсмотрѣнная нами, слишкомъ

тенденціозно составленная книжка, въ авторѣ которой сквозь дымку порой пробивающагося гражданскаго чувства не трудно усмотрѣть, читатель, знакомый силуетъ недовольнаго своею судьбою лица...

Иной человѣкъ въ теченіе всей своей жизни злословитъ, волнуется, кипитъ, всѣми и всѣмъ недоволенъ, критикуетъ, порицаетъ и никого не любитъ и не уважаетъ, кромѣ самого себя, но въ концѣ концовъ такой неспокойный человѣкъ становится антипатичнымъ для всѣхъ окружающихъ и всѣ мало-по малу начинаютъ его сторониться. И, конечно, про такихъ пессимистовъ тоже ничего хорошаго не услышишь. Ихъ уколы разъ отъ раза становятся все менѣе и менѣе чувствительными, а злословіе легко переоцѣнивается въ пустословіе. Про человѣка такого типа можно сказать, какъ сказалъ Дидро о кн. Григоріи Орловѣ, что „это—котелъ, который всегда кипитъ, но въ которомъ ничего не варится“.

И. К. Ковригинъ.

31 мая 1913 года.

ЦѢНА 40 КОП

(ПЕРЕСЫЛКА ЗА $^1/_2$ ФУНТА).

Складъ изданія у автора: **Красноярскъ** Переселенческое Районн. Управленіе, Воскресенская ул., д. **Либмана** и въ магазинѣ Ю. М. и М. Я Кохановскихъ.